

18+

ВАСИЛИЙ ЛЯГОСКИН

ВОЛШЕБНИК ПО ЗАЛЕТУ

КНИГА ТРЕТЬЯ. МАГИЯ КРОВИ

Василий Лягоскин

**Волшебник по залету.
Книга третья. Магия крови**

«Издательские решения»

Лягошкин В.

Волшебник по залету. Книга третья. Магия крови /
В. Лягошкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532012-4

Закрытая от Содружества планета. Средневековье, которое судорожно пытается построить новый мир на обломках трех цивилизаций. Может, здесь пригодится что-то еще от одной, земной, русской ее части?...

ISBN 978-5-00-532012-4

© Лягошкин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Олег Громов, собиратель	6
Глава 2. Маша и Нетта, двое в одном теле	19
Глава 3. Олег Громов, владелец атмосферной техники	28
Глава 4. Гамадриэль – аграф, наследник клана	42
Глава 5. Олег Громов, страшный в гневе	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Волшебник по залету Книга третья. Магия крови

Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2021

ISBN 978-5-0053-2012-4 (т. 3)

ISBN 978-5-0053-2009-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Олег Громов, собиратель

– Ну, не такой уж я и голый!

Буйство молодого темперамента погасло почти так же быстро, как вспыхнуло в груди Олега Громова – попаданца в закрытый мир Самах, начинающего мага и просто человека, который только что счастливо избег гибели.

– Причем не один, – процедил он сквозь зубы, – целый выводок в двадцать с лишком детских душ с собой сюда приволок. Так ведь?

Увы – никто ему внутри не ответил. А ведь парень уже привык советоваться, или просто беседовать с Помощницей – Машенькой, или Марией Павловной. Так он называл весьма эффективный артефакт, изготовленный в каком-то их высокотехнологичных Миров Содружества, который попался ему первым здесь, в чужом мире, и практически за ручку вел его поначалу по новой жизни. Артефакт, который создатели наделили восемнадцатью технологическими возможностями, сравнимыми для обычного человека с Земли с магией. Среди них Олег с трудом определил бы что-то главное. Все было в тему, и всеми возможностями Машеньки он беззастенчиво пользовался – и защитой, какую поискать, и атакующими возможностями, и запасом знаний технической направленности. Ничего этого теперь не было, а была пустота в груди...

– Ну, и снаружи тоже, – еще раз повторил он уже переименованную фразу про голого короля, – а это непорядок.

Непорядок этот можно и нужно было исправить в течение минуты; а с новыми возможностями Олега Громова, и вчетверо быстрее.

– Или даже еще скорее, – решил Олег, перешагнув через две полосы пожитков, которые (полосы, а не пожитки) сам же и создал, нарезая круги вокруг бота, нависшего над черной, безжизненной землей.

Этот факт – то, что длинный, метров шестидесяти на глаз, цилиндр, который и перенес его новую команду сюда, за полсотни километров от взрыва термоядерных, и ЭМИ-бомб, не упал на грунт, и не продавил его своей многотонной тушей – означал, что бот не погиб. И это было первым положительным моментом с начала их бегства от дворца Хозяина развалин, ныне усопшего.

– А еще, – добавил Олег, – разнесенного на молекулы теми самыми взрывами – вместе со своим дворцом. А вторая хорошая новость – что я уже не голый.

В том круге, а точнее, овале вещей, отмечавших его недавние метания вокруг бота, лежали целые кипы комбинезонов. Он за прошедшие дни успел одарить ими многих – и сквайдов искателей, и десяток орков, которые принесли ему клятву верности («На крови, между прочим!», – отметил один из потоков его сознания); теперь вот и до него самого дошла очередь.

В комбинезон он вполз, или даже впрыгнул, или влетел – если смотреть со стороны – в доли секунды. Не потому, что так уж стеснялся двух десятков очень внимательных взглядов, провожавших каждое его движение. Шесть из них «расстреливали» его с земли; остальные – детские – от дверцы бота, так и оставшейся открытой. Проводя ладонью по груди, и завершая этим процесс одевания – теперь комбез стал вместе с ботинками единым целым, подстроившимся под его фигуру – он одновременно призвал к жизни меню нейросети. При этом чуть-чуть зябко повел плечами – представил вдруг, что его видоизмененная, ставшая неотъемлемой частью организма, а прежде безуровневая нейросеть «Универсал» тоже не выдержала удар ЭМИ-поля, и сейчас не откликнется.

Но нет – меню послушно открылось перед лицом на первой странице – там, где размещалась информация о состоянии имплантов сети. А таких было ровно двенадцать, и два из них – отвечающие за пси-способности Носителя, и возможность защиты от таких же атак – развер-

нулись полностью. Больше того – они сейчас показывали превышение максимальной, стопроцентной отметки! Первый на десять процентов с лишком, а второй, защитный, на сорок!

Как это могло быть? Олег сам не понимал, и спросить было не у кого. Впрочем...

– Почему это не у кого? Вон же, она – Мария Павловна – стоит! Одна в шести лицах!

Увы, он подступил к старшим ребятам, чьи тела вкупе с разделенным сознанием Малого Помощника, вытащили из подземелья во Дворце Фаркада Албама, Хозяина развалин, более мелких детей, чтобы убедиться – Машеньки больше нет. По крайней мере, в орке, который и выступил вперед с самым независимым, каким-то напыщенным видом. Он еще и нагнуться успел когда-то, и оружие подхватить. Это был один из парных клинков самого Олега Громова. Артефактный, и очень опасный. Прежде всего, для чужих рук.

Олег сразу предупредить орка об этом не стал. Решил чуть повременить – поглядеть, какие претензии этот юный, но очень здоровый орк предъявит ему. Громову, если кому непонятно – разумному, который фактически спас вот этого громилу, небрежно помахивающему чужим оружием. Олег еще успел убедиться, что и магическое зрение не покинуло его. Что в клинке вдруг «проснулось» что-то невероятно злое, представшее для него черными жгутами магических линий внутри стали. Которая внешне больше напоминала обычную заготовку под клинок.

Подсказать о том, что эта болванка, где две стороны лезвия были одинаково тупыми, орку мог сам Олег, ну и Маша – если хоть что-то от нее осталось в этих шестерых ребятах. В орке определенно не осталось ничего – иначе он не размахнулся бы, не предъявляя никаких претензий, и не попытался достать оружием Громова.

Тот отступил на пару шагов – быстрее, чем лезвие, ставшее в долю секунды абсолютно острым, пронзило ту точку, где только что находилась голова Олега. И оно не остановило свой стремительный росчерк – как бы ни желал этого орк! Недоумение, а потом и ужас, только начали проявляться на зеленом лице этого свирепого, только что самодовольного юноши, теперь жалкого и беззащитного на вид. Трансформация эта так и не завершилась. Потому что клинок, не останавливаясь, вывернул мощную ладонь орка, и рассек его шею; внешне так легко, и аккуратно, что показалось – это тень, или фантом оружия сейчас чиркнул в пространстве.

Но в следующее мгновение голова слетела с широких плеч, и на черную землю плеснуло двумя потоками крови – мощной от нижней части тела, и совсем хилой от головы с обрубком шеи.

Застыли все – и Олег, совсем не ожидавший такой развязки, и пятерка перед ним, и дети в провале толстой двери бота. Только сам орк, точнее, его две части, уже мертвые, издали неприятные звуки – с такими они падали, и катились по выжженной стихиями земле.

– Чего это он?! – с некоторым недоумением прошептал Олег, все еще в ожидании, что внутри ответит Маша.

Она и ответила – но со стороны, устами той самой человеческой красотки с черными смоляными волосами, которая так напоминала ему кого-то...

И опять нить узнавания ускользнула от него, уступив место изумлению. Потому что девушка, выступившая впереди двух пар – эльфиек, и гнома с гномой – заявила на чистейшем русском языке, с русской же основательностью; как припечатала:

– Собаке собачья смерть!

– За что ты его так? – поинтересовался Олег, в долю секунды оказавшийся рядом; через голову орка, попавшуюся на пути, он просто перешагнул.

– Да так..., – неожиданно смутилась девушка, только что проявившая незаурядное хладнокровие, – есть за что. Ну что, Олег, какие теперь будут указания?

– Ты точно Маша? – осторожно поинтересовался Громов, – вся?

– Немного от прежней осталось, от Нетты, – чуть поморщилась девушка.

– Нетта... Нетта..., – пробормотал Олег так, словно пробовал это имя на вкус. – Нетта-Антуанетта. Была такая известная личность в нашей истории, если помнишь – Мария-Антуанетта. Кажется, королева чего-то там. Так что с полным правом можешь называться Марией. То есть, Машей.

Маша улыбнулась, чуть кивнув, а Громов, напротив, нахмурился. Потому что почувствовал – затылком, наверное, или одним из магических своих чувств, пока не понятых – что далеко, от центра развалин, надвигается какая-то угроза. Он повернулся, и убедился уже глазами – и обычным зрением, и магическим. Там, в месте ядерных взрывов, к которым прибавились удары орбитальной бомбардировки, зарождался очередной ураган. Так Олег понял по завихрениям черной пылевой тучи, которую было видно даже отсюда, за полсотни километров от того места.

– А может, уже и ближе, – повернулся он опять к Маше, и другим подопечным, – вы понимаете, что это означает? Когда вся эта туча с бешеной скоростью доберется до нас?

Говорил он теперь на общем – том, которым пользовались в Содружестве и, соответственно, в убежище Хозяина. А ответила опять Маша, тоже на понятном всем языке:

– Самые быстрые частицы радиации – гамма там, и альфа, наверное – уже пронесли, рассеялись в Лесу. А вот все остальное сюда принесет. И выжжет здесь все до основания.

Маша сейчас явно оперировала не очень обширными познаниями Олега Громова в области ядерной физики. Но в главном она не ошибалась! Ураган – если он доберется до этой двухкилометровой полосы, окаймлявшей развалины – засеет тут все смертью.

– А еще раньше сметет тут все на hpen! – добавил он; и тут же скомандовал, – и чего стоим?! Бегом все таскать внутрь! В первую очередь еду! У нас там куча голодных детей ждет, и неизвестно, какие запасы в корабле есть!

О том, чтобы попробовать поднять в воздух бот, и отогнать его подальше от опасности, он даже не мечтал.

Гномы тут же побежали к тонкой и длинной полосе, которую Амбар, тот самый костюм арамских пауков, в долгие минуты своей агонии «усеял» золотыми блюдами и кувшинами. Большая часть из них все еще парила кушаньями, словно только что приготовленными на очагах. Но что это была теперь за еда?! В основном вываленная, или вылитая на черную землю; пусть не перемешанная с ней, однако вряд ли пригодная к использованию. Сам бы Громов, наверное, не стал бы питаться вот таким, собранным с земли ладонями гномов...

– Стану – куда денусь?! – одернул себя Олег, – да и не все там размазалось по поверхности земли. А на остальное смотреть не буду. Как и думать о том, что ем – вон там, в боте, за столом.

Он бросил быстрый взгляд в сторону открытой двери – из нее как раз на плотную поверхность нейтральной для Леса и развалин территории спрыгивал один из парнишек. Тех, кого можно было принять за одного из его давних, еще детдомовских приятелей. В общем, с виду обычный человеческий пацан. А следом и второй спрыгнул. Как понял Олег, до них тоже донеслись его слова, с важностью их, с ничем не прикрытым смыслом.

– Ну, и правильно, – решил он, – пусть помогают! Только...

Он уже громче озвучил еще одно замечание, или предупреждение:

– Только вот в эти зеленые пятна постарайтесь не вляпаться – спасать сейчас нет времени. А ты, Маша, – это уже не так громко, только для Помощницы, – сбегай на ту сторону (он махнул на тушу бота); там должны быть те самые мешки с пайками, которые Артан с ребятами для нас приготовил.

Маша кивнула, и направилась почему-то прямо к открытой двери бота, аккуратно перешагнув через ближайшее зеленое пятно на грунте. Но это Громов отметил уже краешком сознания; оно, кажется, не успевало сейчас за его стремительным движением. А рывок этот Олег сделал к той самой точке, где и закончился его недавний бег с «худеющим» быстрее мысли Амбаром. Там, как он предположил, должны были валяться самые «вкусняшки» из тех полу-

тора сотен кубов имущества, что костюм арамских пауков собирал тысячи лет. Почему там? А Олег ответил – себе, естественно:

– Потому что он начал собирать их, возможно, именно там, где и был создан – в мире, где царили магические технологии. А значит, есть вероятность найти еще один такой же костюм... ну, или хотя бы какую-то его копию...

Наверное, это все же было не голословное предположение начинающего мага; просто его взгляд – один из потоков сознания, которыми он не научился еще пользоваться по-настоящему, в полную силу – отметил что-то похожее, и сейчас сумбурно доложил подсознанию. Которое, в свою очередь, и привело его к искомым предметам. Они действительно лежали практически в самом конце длинной, на километры, череды вещей самых различных форм, размеров и назначений. И представляли собой не свернутый в рулон кусок ткани, сотканной магическими пауками, а обычный с виду комплект одежды.

– Ну, обычным он не может быть по определению, – постарался успокоить себя Олег, наклоняясь к тому предмету, что венчал собой горку одежды – широкому поясу из толстой кожи, – иначе зачем бы его положили сюда, рядом с другими артефактами – явно магическими.

Взгляд его пробежался по продолжению этой дорожки из вещей – в обратном недавнему бегу направлении. Там действительно лежали какие-то странные на вид статуэтки, широкие кольца и совсем непонятные вещицы, по большей части буквально фонившие изнутри магической энергией. И только вот эта кучка обычной с виду одежды лежала скромно, не сверкая внутренней аурой, и тем самым выделяясь на общем фоне.

Ремень, кстати, был неожиданно легким – несмотря на то, что вместе с ним Олег поднял к глазам сразу несколько предметов, закрепленных на нем. Это были две какие-то поясные сумки, такое же количество фляжек, или баклажек – плоских, емкостью, на вид, по литру каждая. Ну, и пара кинжалов присутствовала; с виду совсем простеньких, без единого камня на рукоятках и ножнах.

Олег попытался вытянуть из ножен один из клинков. Для этого ему пришлось зажать подмышкой жезл, который он так и не выпустил из рук. Увы – кинжал его усилиям, а это с учетом нужных имплантов, и изученной базы «Абордажника» уже пятого уровня означало многое.

– Если, конечно, его вообще в принципе можно достать, – чуть остудил Громов собственного хомяка, который внутри – там, где раньше делил место рядом с Помощницей, сейчас все усердней потирал лапами; чуть не пищал от предвкушения, – может, это просто болванка, приваренная к ножнам?

Точно так же не пожелали открыться поочередно и обе сумки, и фляжки, и второй кинжал. Да и на самом ремне Олег не обнаружил никакого крепления – словно он должен был срastиться прямо на поясе нового владельца. Олег попытался пристроить его на собственной талии. Подошел, можно сказать, не оказался коротким. Только вот срastаться не пожелал. Так же, как и пропустить внутрь одного из своих составных частей магический щуп Громова. А это уже о чем-то говорило!

И тогда Олег предпринял тот самый способ, что посоветовала ему когда-то Маша для привязки прежнего костюма.

– Конечно же, кровь! – решил он, – а если не получится, то придется по старинке, мешками.

Это он так подумал о сборе и переноске в бот трофеев, а точнее, его законного имущества. Трофеями они были раньше – в момент, когда он примерял костюм арамских пауков. Острый предмет был у него один. Точнее, вокруг их валялось великое множество, но лишь за одним не нужно было делать лишний шаг, и наклоняться. У жезла были острые кончики креплений, которые прежде удерживали громадный артефактный камень. Вот одним из таких зубчиков Громов и полоснул по собственному запястью. Вообще-то его кожа, усиленная соот-

ветствующим имплантом, должна была выдержать, не поддаться с первой попытки. Но только не в том случае, когда того пожелал сам Олег. Запястье «украсилось» длинной царапиной, тут же заполнившейся кровью, и Громов поспешил приложить рану сразу ко всем артефактам, которыми он посчитал поочередно, по мере привязки – пояс, обе сумки, баклаги и парное оружие. А потом облегченно рассмеялся от радости. Даже не пробуя открыть, или как-то по иному использовать эти предметы, он понял, что процесс привязки действительно имел место быть; что артефакты теперь только и ждут его приказаний.

– Которые еще надо уметь отдавать – с чувством, так сказать, с толком, и с расстановкой!

Это он вспомнил свой опыт «общения» с Амбаром – не самый успешный поначалу, и наладившийся только методом проб и ошибок. Сейчас же времени на них не было. Только на самые простейшие, основные.

– Время, – бросил он все-таки взгляд на горизонт, который за неполную минуту, которую он провел, пытаясь призвать к жизни артефакты, потемнел еще гуще, – что с ним связано?... Ага – Кремлевские куранты, лондонский Биг Бен. Точно! Ты будешь Биг...

Так он обратился мысленно к левой поясной сумочке, и тот каким-то образом откликнулся на это имя, или кличку – словно собака, которую почесали меж ушей.

– А ты, соответственно, Бен, – еще одна мысленная команда, и такая же щенячья радость, – давай, принимай в себя вот это.

Теперь мысленный посыл был обращен к жезлу, крохотный кусочек которого был отмечен его кровью. И жезл послушно исчез! Точнее – его послушно поглотила сумка, Бен! И так же, в единый миг, исполнил другую команду, после которой жезл опять оказался в руке хозяина. Он тут же исчез в левом артефакте, закрепленном на поясе, незаметно для хозяина сросшемся на талии; в Биге. А вот статуэтка, которая валялась рядом с кучкой одежды, пока не привязанной к новому хозяину, исчезать не пожелала. До тех пор, пока он не нагнулся, и не взял ее в руки.

– Печалька, – констатировал он, – налицо ограниченные функциональные возможности. Это что – каждый раз придется брать предмет в руки?! И так же его принимать обратно из сумки?

Он потратил еще одну, целую (!) минуту, которая в обычном течение времени превратилась бы в пять. Но в результате практически все функции этих сумок были изучены. Кроме одной, тоже определяющей – объема внутреннего пространства, которым он мог воспользоваться.

– Но это мы определим опытным путем, – с энтузиазмом заявил он себе, и Бигу с Беном.

Вот так же он недавно «беседовал» с Амбаром. В эту минуту, кстати, вписался и еще один очень интересный эксперимент. Оказалось, что определять, и вынимать из сумок предметы поодиночке было совсем не обязательно. Олег просто метнулся к другой линии его недавней пробежки, подхватил целую кипу комбинезонов, и запихал в один из них, который мысленно обозвал Первым, целую кучу артефактов. «Первый» комбез, разбухший от артефактов, по большей части каменных и металлических (больше всего было золота), послушно исчез в Биге. И так же быстро появился снаружи, на земле, только придавленный ладонью Громова. Поднять тяжеленный груз на руки Олег конечно сумел бы, но не без труда. А так... он быстро продвигался по «ленте», в направлении, обратном прежнему, и артефакты исчезали в сумках. Избирательно, кстати, исчезали. В Биг Громов укладывал один за другим комбинезоны, полные добра. Их содержимое, кстати, четко фиксировалось в одном из имплантов памяти. Да, каким-то образом Олег смог персонифицировать и эти артефакты, ставшие его неотъемлемой частью; разве что имен им не дал.

– Пока не дал, – хмыкнул он, не прерывая своей работы, – в левом вот, все плетения хранятся. Так что этот имплант работает. Каждый день, во время магических тренировок.

И действительно – как бы не был загружен Олег все последние дни, он находил часик, обычно вечером, перед сном, и мысленно прогонял перед собой все четыре сотни известных ему плетений – тех, которыми поделился Брон Патамбу – лесной маг. Тут он невольно бросил взгляд на далекий, темнеющий своими высохшими стволами и ветвями Лес, и опять наклонился; за очередным артефактом. А выделенный поток сознания продолжал:

– Еще и свои плетения пытался создать. Ну, как создать? – просто соединял известные уже мне в самых различных вариациях. Ага – и прятал их в этом же импланте. Так что плетений тут уже не четыре сотни, а почти шесть. Вот и результат такой получился, что этот имплант вырос на целых двенадцать процентов от максимально возможного, а правый, который я пока не задействовал, только на восемь с небольшим. Вот и будем его качать.

Действо это и заключалось в запоминании образов всех артефактов, и обычных, явно очень дорогих вещей, которые исчезали сначала в скафандрах, тщательно закрываемых по грудному шву, а потом в Биге. В Бен же Олег бережно укладывал штучную кладь – ту, которую посчитал самой ценной. И информацию эту помещал в имплант памяти, который на незначительную свою часть был заполнен плетениями. Как он делил свое добро? Поначалу интуитивно. Потом же, когда «приветы» с далекой родины арамских пауков закончились, и широкая полоса предстала целыми завалами ковров – очень богатыми на вид даже в свернутом виде – он перешагнул сразу несколько полос, включая пятна зеленой пыли, которые чуть удлинились, в попытке соединиться в одно целое. И наклонился над тем добром, которое прежде уже держал в руках, или, по крайней мере, ласкал взглядом еще в подземелье порталного комплекса.

Первым делом в Бене исчезли поочередно коробочки с нейросетями и имплантами к ним; потом артефакты Древних. По ходу движения Олег наткнулся на россыпи золотых и серебряных монет и драгоценных камней – в оправе и без них. Вот эти камни для начинающего мага были просто бесценным призом. Но разбирать их тщательно просто не было времени! Потому эти драгоценности оказались внутри Бена, упакованные... конечно же, в очередной комбинезон.

– Еле поместились, кстати, – проворчал Олег, наклоняясь за очередным камнем – прозрачным, отличавшимся особо крупным размером, – а вот это мы пока приберем отдельно.

Этот драгоценный камень, с виду настоящий ограненный бриллиант размерами с голубиное яйцо, а за ним еще десятка два, не меньше, он определил в другой карман – обычный, каких в комбинезоне была целая дюжина. Золото же все ушло в другие комбезы, а потом в Биг. А следом и серебро...

– Стоп! – остановил себя мысленно Олег, – это сколько всего у нас получилось? Двадцать второй?

Да – именно такой по счету полный «мешок», который по причине отсутствия Громову заменил пустой комбинезон – не поместился в Биг. А означало это, что примерная емкость этой сумки была никак не меньше двух кубометров. По сравнению с прежним костюмом это был, конечно, мизер, но и за такой подарок Олег был благодарен providению. Он выпрямился; глянул на бот, который сейчас был обращен к нему как раз своей передней частью – той, что была направлена по ходу движения корабля. Вообще-то Олег нет-нет, но бросал взгляд на бот; отмечал, что, по сути, у него нет четко различимых «носа» и «кормы». Разве что размеры проемов, что вели в них, отличались вполне зримо. В «нос» вела открытая двухметровая по ширине дверь, в которую он сейчас и запрыгнул. Внутри был неширокий, метра на два, коридор, что тянулся по вдоль всей длины внутреннего помещения – той, что прилегал к внешней его стене, чуть закругленной подобно наконечнику громадной пули.

– Еще и стержень какой-то торчит, – определил Олег, поднимая голову как раз в тот момент, когда пересекал дверь; толщина ее была как бы не больше, чем в борту бота, – какая-то труба диаметром не меньше метра.

Такая же, кстати, торчала и в «корме»; но там были разверзнуты не двери, а целые ворота, занимавшие всю нижнюю половину торца, и куда, наверное, могли разом въехать сразу две платформы. Сейчас же это пространство было пустым; только по обе стороны, у стены, были выстроены какие-то механизмы. Но это требовало осмотра и осмысления позже. А сейчас же Громов огляделся в коридоре; целых шесть дверей тут были открыты, но в них Олег только лишь засунул свой любопытный нос, а точнее, взгляд. Ноги же несли его к дальнему концу коридора – туда, где за последней такой же открытой дверью оказался симпатичный такой тупичок – два на два метра. Вот сюда Олег и сгрузил первые двадцать один комбинезон, заполненные артефактами так, что невольно подумалось о трупах, с раздутыми от времени и газов внутри животами.

– А ведь там еще и настоящие мертвецы есть, – вспомнил Олег ту пятерку, что, на свое несчастье, попыталась найти спасение в отлетающем от дворца боте.

Почему-то Громов был уверен – ни один из них не выжил. И это было не очень хорошо, на его взгляд. Не для самих усопших – им, наверное, было уже все равно. А вот для детей, сейчас собравшихся в одном с ними помещении.

– Нет, – констатировал Олег, обращаясь к тому потоку сознания, который сейчас фиксировал все вокруг; в первую очередь разрастающуюся на горизонте темную тучу, – они как раз сейчас снаружи – помогают «взрослым». Ну, или просто бесятся.

Такие вот всплыли в голове картинки – два пацана, что держались поближе к Маше, и усердно помогали ей; пятерка совсем мелких гномиков, тоже инстинктивно прибившихся к трудолюбивым коротышкам, уже достигшим в своем невеликом росте того же Артана. Только орка сновала от россыпей добра, раскиданного уже не такими правильными дорожками – до бота, скрываясь там ненадолго, и обратно. Отдельной группой работали – явно «спустя рукава» – эльфы. Этих было пять душ – к двум красавицам, Элизе и Лючии присоединились трое совсем юных эльфеньша. Точнее, две эльфийки, возрастом – по человеческим меркам – лет тринадцати, и совсем мелкий остроухий пацаненок. Этот в общей массе был, наверное, самым младшим – лет семи-восьми, не больше.

– Сколько всего получается? Ага – шестнадцать. А было двадцать один – он вспомнил опять строчки из прошлого – те самые, про «очко и к одиннадцати туз», – где еще четверо; с учетом усопшего орка?

Он отмотал «немое кино» в голове чуть назад; увидел, как в открытый проем бота выглядывают, путаясь под ногами носильщиков, четыре любопытные мордашки. Две из них, напомним ему Хозяина развалин – темными, очень характерными для негроидной расы чертами лица – принадлежали девчущкам, что были, пожалуй, даже постарше бледнолицых парнишек. Но на помощь взрослым они как-то не спешили, что вызвало гримасу неодобрения на лице Громова. Ну, и последние заморыши – тощие, что было видно даже под балахонами, в которые они кутались – отличались не только этой самой неестественной худобой, но и серым цветом лиц, и какими-то нечеловеческим их чертами. Хотя ничего отталкивающего в них для себя Олег не определил. Просто назвал: «Нелюди!», – и все. К какой расе они принадлежали? Были ли привезены откуда-то слугами Хозяина, или выведены прямо в детском питомнике? Этот вопрос тоже сейчас был не актуальным. Главное – общий счет, вместе с погибшим от собственной руки и кровожадной бестолковости орком – соответствовал изначальным

А в следующий момент Олег выбросил эти мысли из головы; точнее, на первый план выдвинулся другой поток сознания, который уловил громкий, и какой-то отчаянный крик, явно принадлежавший Маше: «Оле-е-е-г!!». В этом отчаянии не было страха, или предупреждения об опасности, как определил Громов, пулей вылетая из коридора носового отсека бота.

– Скорее в нем удивление. И ярость. Отчего?

Спрашивать у бывшей Помощницы Олегу не было необходимости, хотя та и принялась сбивчиво, глотая слова, объяснять поднятую тревогу. Отчего, кстати, собрались вокруг Громова с Машей практически все – даже негритянские девчужки спрыгнули на грунт.

– Вон – там, они!...

Олег и сам, без путаных объяснений девушки, видел сейчас четыре уже совсем крохотные на расстоянии фигурки, которые мчались со всех ног к темнеющему лесу. До него было никак не меньше километра, и практически половину этого пространства беглецы уже преодолели.

– И кто это у нас?

Олег уже знал ответ на свой вопрос, но, тем не менее, напряг зрение, тем самым призывая к жизни, или работе, еще один имплант – тот, что за остроту этого самого органа чувств и отвечал. И он отчетливо увидел двух старших эльфиек, и их малолетних подружек. Каждая из них была нагружена – на спине по рюкзаку (тому самому, из числа Артановых, с пайками). А еще старшие, которые буквально тащили за собой младшеньких, несли в свободных руках какие-то баулы, или узлы.

– Ну же! – нетерпеливо топнула ногой Маша, – погнались!

– Куда, – повернул у ней лицо Олег, – и зачем?

– Как зачем?!

Маша пару раз хватанула открытым ртом воздух – то ли просто от возмущения, то ли от недостатка слов, которыми она хотела это возмущение выразить. А Олег пожал плечами, досадуя лишь о том, что утекает драгоценное время. Кстати, от определенного для самого себя получаса он как раз отметил десятую минуту, которая истекла от того момента, как он нагнулся за артефактным поясом. И сам впечатлился от такой своей скорости.

– Зачем бежать за ними? – еще раз пожал плечами Олег, – они сами сделали свой выбор. И трофеи прихватили... ну, так я не в обиде – пусть они им пригодятся. А где пятый, самый мелкий?

Почему-то он сейчас был абсолютно уверен, что Иван, сын Степанов, он же Первый, не возразил бы ничего на такое его решение. А вот с младшим эльфом...

Пацанчик обнаружился тут же, рядом. Его или бросили старшие соплеменники, вручив его судьбу Олегу Громову, или не решились подступиться, чтобы и этого остроухого и смазливового личиком пацана утянуть за собой. Дело было в следующем – младший эльф вляпался в одно из зеленых пятен. Очевидно, рванул за старшими своими друзьями, не смотря под ноги. Вот и лежал теперь, постанывая, и дожидаясь помощи.

Олег подошел к нему, лишь совсем немного опередив толпу, что качнулась за ним в направлении непрерывной полосы зеленых пятен. Они, кстати за эти десять минут тоже стали овальными, и явно тянулись друг к другу в попытке соединиться. Но тут, как определил Олег, выдергивая пацана из пятна, не было большого, центрального, которое и собирало бы вокруг себя меньших своих «собратьев». Вот честно – Олег сейчас на полном серьезе воспринимал эти пятна, как что-то живое. От того пятна, которое эльфенок чуть размазал своей невеликой тушкой, отчетливо потянуло каким-то облегчением. Словно этот неживой артефкт, разделенный на мириады мельчайших частиц, вместе с эльфом «выплюнул» фразу: «Да уж забери ты его! Надоел хуже горькой редьки; мешаает делом заниматься!».

По правде сказать, эту самую редьку Олег никогда не пробовал; сравнение же оказалось в голове автоматически. Как и следующее, уже направленное к пацанчику:

– Ну что, парень? Вляпался, как в коровью лепешку?!

Эльф только зыркнул глазами, да постарался горделиво поднять подбородок. Не очень-то у него это и получилось, в такой позе. Олег держал его на весу, за шкирку, на вытянутой руке. И не чувствовал при этом дискомфорта – словно не живого человечка держал, а его тень. Вот в эту «тень» он и впустил несложное целебное плетение, которое выучил самым первым в своей недолгой карьере мага. Но сейчас впервые сформировал его пальцами одной руки.

Однако еще сложнее было отыскать в переплетении нитей, что образовывали свой мир вокруг, зеленую, относящуюся к магической ветви Жизни. И то она оказалась какой-то тусклой, едва шевелящейся. В основном же там, в пространстве, подвластном взору очень немногих, царили серые и черные тона.

Но и этого плетения, в которое Олег закачал совсем малую долю собственной энергии, хватило, чтобы эльфеныш ожил, и забрыкал ногами. Но пальцы Громова уже сплели другую невидимую фигуру, в которую уложилась как раз одна из серых нитей. Магия разума заставила парнишку опять вытянуться безвольной тушкой – словно в него влили хорошую дозу успокоительного.

– То, что надо! – довольно подумал Олег, поворачиваясь к боту, – и здоров, и не дергается. А иначе рванул бы сейчас вон туда, за ними.

Это он имел в виду четыре фигурки, уже едва различимые на темном фоне Леса. Мелькнула, правда, трусливая мысль:

– Ну, и пусть! Удрал бы, и все дела. А так, чувствую, хлопот с ним не оберешься. Но вот такой оборот событий Ваня явно бы не одобрил.

Он легко запрыгнул в бот – двери здесь были открыты на обе стороны, и не проглядывались от одного борта до другого только лишь из-за живой растительности, которой кто-то не пожалел в свое время для этой кают-компания. На мгновение Олег замер с нетяжкой ношей на руках – решал, куда положить пацана. Все столы были заняты, как и проходы между ними – блюдами, кувшинами, коробками и узлами. Десять минут явно не прошли даром и для остальной части его новой команды.

Не найдя лучшего решения, Громов прислонил эльфа к стене – сидя, рядом с пятью трупами, которые валялись в своем углу в самых невероятных позах. Было ли это кошунством – по отношению к малолетнему воспитаннику? Мог ли как-то оскорбить его вид жутко оскаленных лиц, глаз, которые то ли полопались сами, то ли несчастные выдрали их, в желании добраться до самых глубин мозга, сгораемого вместе с нейросетью?

Если и так – то очень недолго. Ведь следующими движениями; даже до того, как толпа попыталась повалить вслед за ним в салон, он уже скинул мертвые тела наружу. Так что толпа опять отшатнулась назад. А Громов уложил парня на освободившееся место; даже подоткнул под его голову какой-то узелок, определив на ощупь его вполне мягкое нутро, и спрыгнул на землю сам. Да тут и прыгать-то было – всего сантиметров двадцать до черной поверхности нейтральной полосы.

Хотел уже ухватить двух покойников за ворот, и утащить их подальше, но... Не дали – гном с гномой.

– Олег? – остановил его с явно вопросительной интонацией старший, мужчина, точнее, юноша лет семнадцати. Хотя и с пышной уже бородой.

Громов кивнул.

– Мы, эта, в-общем... Закончили, а там еще есть!

– Что – есть?! – повернулся Олег в сторону кормы, куда и показывал гном, пока безымянный для Громова.

– Так это там!

– Ну, веди, показывай! – усмехнулся Громов.

Ему, в общем-то, было все равно, куда тащить трупы – лишь бы подальше от дверей; а точнее, от детей. Он и попер впереди поредевшей толпы – кроме взрослых за таким вот необычным, страшноватым предводителем последовали лишь двое белолицых пацанов.

А гном, ухитрившийся все же обогнать Громова, остановился над тушей...

– Нет, все же это не корова, – решил Олег, – но кажется что-то вполне съедобное.

Так он оценил тушу какого-то животного, которое прежде хранилось в запасниках Амбара в таком виде, словно его только что освежевали.

– Животное, а не Амбара, – поправился внутри себя Олег, хохотнув, – и что теперь с ним делать?

Понятно было, что туша эта – на вид килограммов под сто пятьдесят мяса и костей – быстро испортится, даже если убрать ее подальше от губительных пыльных волн урагана. Олег несколько раз пробежал мимо со своими комбинезонами, но как-то не обращал на них внимания. А прежде даже не мог помыслить, что такое хранится в запасниках костюма арамских пауков. Да там и много другого было интересного, чего Олег прежде не пожелал увидеть; в том числе и на своем столе. Фрукты, например, с овощами – диковинные, но на вид вполне съедобные; может быть, даже вкусные. Теперь они были собраны, и перенесены в бот стараниями команды гномов. Но вот эти туши – их Олег насчитал целый десяток...

– А если так?

Громов выдернул из пространства еще одну нить – на этот раз багрово-красную. Нет, он не хотел зажарить неподъемную тушу прямо здесь, на земле. Просто у этого вида магии, у Огня, был очень широкий диапазон действия. В том числе, и в отрицательных величинах. Новое плетение отвечало за минусовые температуры. Мгновение – и туша покрылась изморосью. Олегу даже не пришлось постучать по ней чем-нибудь – это сделал за него гном, доставший откуда-то молоточек на длинной рукояти. Звук, раздавшийся в пространстве от соприкосновения металла с промерзшей тушей, подтвердил то, что Олег знал и без такой демонстрации – в течение недели, седмицы по-здешнему – это мясо точно не испортится. О чем Громов и заявил бригадиру носильщиков. А сам перешел к следующей туше, потом к другой, и еще...

В общем, гномы и орка общими усилиями утащили волоком первый кусок мяса и костей неизвестного животного, а Олег со своей частью работы закончил, и взялся за другую. Опять ухватился за ворота двух трупов, и оттащил их – метров на тридцать от кормы бота, и чуть в сторону.

– Вот тут и полежите, ребята, – заявил он вполне серьезно, – пока.

На мгновение замер с вопросом – продолжить сбор самых ценных трофеев, или все же покончить с покойниками? Выбрал второе; в первую очередь потому, что решил – весь «цимус» он уже выбрал. Хотя чуть позже, когда новое кладбище разрослось до шести «постояльцев» – орка с его головой пришлось тащить по отдельности – Громов убедился, что был не совсем прав. Ведь по комбинезонам, которых осталось не так уж и много, и в отдельной сумке, куда он складывал только «штучный товар», еще не было разложено оружие. То самое, которое он не так давно сортировал в подземелье порталного комплекса. В Бене уже хранились его артефактные клинки; теперь к ним присоединился весь тревожный набор – та самая перевязь с метательными ножами, два обычных кинжала, и два виброножа, полностью заряженных. Потом туда же были помещены по паре коробок с игольниками и бластерами и, наконец, длинный футляр с ружейным комплексом. А еще – целая дюжина дроидов-разведчиков, с которыми он уже работал практически на автомате, и...

– Нет, все остальное в комбез, и на склад, – остановил он все же свою жабу, или хомяка, – разбираться, и готовить новый «тревожный чемоданчик» буду позже, когда время появится свободное... Если оно, конечно, появится.

Так что еще через десяток минуток, по ощущениям и практическим результатам растянувшихся для него почти на целый час, он сгружал в носовом отсеке очередные комбинезоны – на этот раз сразу двадцать три штуки. Ну, и наполнялись они – в основном угловатыми дротидами, а потом такими же неудобными для фасовки книгами – не очень компактно. Только теперь он перевел дух; лишь на краткие мгновения, которые посвятил опять магии. Проблема была в том, что закрыть двери, которые распахнул в свои последние секунды Первый, было нечем.

– Не барахлом же, – скептически скривил губы Громов, бросив быстрый взгляд в сторону штабеля комбезов, – их первым же порывом урагана внутрь зашвырнет. Или сразу наружу. Нет – тут только магией.

Он рассуждал, и одновременно вязал плетение голубого цвета – прямо внутри прозрачного камня, который достал из нагрудного кармана комбинезона. Именно для этих целей их и отложил Громов. Целая минута ушла на то, чтобы сформировать внутри кристалла среднее заклинание воздушного щита. А энергии, которую Олег влил в него из собственного источника, хватило бы для работы этой прозрачной преграды на целую неделю, если не больше. И, отвечая на вопрос, который могла бы задать Маша – если бы по-прежнему присутствовала составной частью внутри него: «Куда так много?!», – заявил, вполне резонно:

– Неделя – это в спокойном состоянии. А тут ураган ожидается, да еще и с радиоактивными осадками! Так что тут как раз тот случай, когда запас карман не тянет. Хороший такой запас. И хорошо, если его хватит...

А вокруг бота, тем временем, черная земля, не родящая ничего сотни лет, почти вернулась к своему обычному виду. В том смысле, что сотни кубов барахла почти исчезли внутри бота. Гномы, тоже словно не знавшие усталости, а вместе с ними и Маша, и орка, и пара пацанов, таскали к корме, в ее обширное пространство, практически уже остатки. Вот сейчас как раз попарно тащили те самые ковры, через которые Олег недавно просто перешагнул. Он хватился сразу за два, зажав их подмышками, чтобы не разворачивались, и попер – словно трелевочный трактор бревна. Ковры, кстати – длинные, толстые – своим весом, наверное, уступали древесным кряжам не так уж и сильно.

И так несколько раз. Наконец, Олег остановился. Не дал команду остальным; просто оценил грозную мощь неба, уже завывавшего массами поднятого воздуха и пыли с камнями совсем недалеко, и принялся плести еще два плетения. Посчитал, что для распахнутых ворот трюма, полотен которых не было видно, от слова совсем, одного щита будет недостаточно. Он выгнал гнома, а затем и орку, бросивших тяжелую ношу в общую грудку трофеев, и встал перед проемом, занимавшим половину кормы бота так, что всем стало понятно – ходя внутрь бота здесь больше нет. А потом его действительно не стало – когда Громов разместил два воздушных амулета, закачанных энергией до самого предела, в каких-то пазах, где, очевидно, и скрывались те самые воротные створки; и активировал плетения. Теперь он и сам бы не сумел попасть внутрь – разве что только после того, как вытянул бы из них эту энергию.

– Будем надеяться, что у урагана таких умений нет, – пообещал он команде, что сгрудилась за его спиной; ну и себе, конечно – в первую очередь, – а теперь все бегом, внутрь бота!

И сам первым помчался к дверям. Ураган уже был явно на подходе, а закупорить магическими воздушными пробками следовало еще два обширных «горлышка». Вот этим он и занялся, мазнув взглядом по тому месту, где оставил эльфенка. От этой двери были видны лишь ноги парня – все так же лежащего на полу. Но уже через минуту Громов, перекрыв у первой двери бота доступ для всего, даже для воздуха, перешел к другой, в противоположном борту. И уже там увидел – эльф спокойно спит, подложив руки под разругавшуюся щеки. Точнее, румяной была та, что была сверху, открытая для взглядов. Но Олег не без оснований предположил, что и другая, так удобно лежащая на импровизированной подушке, и двух ладошках, не сильно отличается от первой.

За пару мгновений до того, как Громов активировал последнее пока плетение, полностью перекрывшее доступ в бот, внутрь влетело несколько некрупных камешков. А чуть позже ветер снаружи угрожающе завыл, бросив в бот уже целую волну таких «подарков».

Теперь все, кроме эльфа, приникли – телами к границе, которую Олег словно отчертил перед воздушными щитами, а взглядами наружу, к буйству стихии. Громов для порядка пересчитал всех. Себя посчитал последним, двадцать первым. И кивнул удовлетворенно, чувствуя, как приятно разливается внутри него тепло. Это было следствием недавних усилий – и физи-

ческих, и магических. И одновременно, даже еще быстрее, разгорался в животе огонь другой топки – той, что отвечала за питание.

– Ну, тут с этим пока очень даже неплохо, – оглядел он столы, буквально ломящиеся от снеди, – пожалуй, пару минут можно и перетерпеть.

Ему тоже интересно было поглядеть на то, как ураган пытается сломить сопротивление такой массивной туши, как бот. Было некоторое опасение, связанное с тем, что сама туша воздушного корабля как раз не была ни с чем связана. Она висела в воздухе, в двух десятках сантиметрах над поверхностью земли и, казалось, должна была стать легкой игрушкой для стихии. Но Громов был почему-то уверен, что и такой вариант строители бота должны были предусмотреть.

И действительно; корабль даже не шелохнулся – несмотря на то, что мимо его проносились, ударяясь о борт, и прозрачную преграду на месте дверей, валуны и камешки самых разных размеров и форм. Олег было повернулся, чтобы порадовать себя все-таки двойной, или даже тройной порцией еды – завтрак-то он пропустил! Но что-то задержало его внимание, и он остановился своим взглядом, сразу всеми потоками своего внимания, на картине бушевавшей стихии.

– А вот это уже интересно, – пробормотал он едва слышно – так, что возникшая рядом Маша даже привстала на цыпочки, чтобы расслышать его слова, – и непонятно.

– Что интересно? И что непонятно?! – буквально выкрикнула она в его ухо.

– Смотри, – ответил он уже громче, нормальным голосом, – камни с валунами летят, а мелкого песка с пылью нет. Точнее – вон он там, какой-то полосой формируется. Ага – понятно!

– Что понятно?! – еще экспрессивней выкрикнула Маша; и тут же, – ух ты! Вот это да!

Теперь, как понял Олег, и она увидела – массы песка и мельчайшей пыли словно формируются в едва прозрачное полотно, которое мелкими волнами складывается... где?

– А как раз на нашей порталной пыли, – ответил на не заданный вопрос Олег, – она, кажется, все же успела сформировать сплошной овал. Ну, или окружность – вон как далеко от борта теперь расположена.

И действительно, эта граница словно делила стихию надвое – снаружи буйную, не сдерживаемую ничем, кроме вот этой преграды, а внутри достаточно комфортную; настолько, что Олег в своем комбинезоне вполне мог бы рискнуть выскочить ненадолго наружу – если бы такая потребность наступила. Но ее не было, и Громов опять начал движение, которое должно было окончиться за ближайшим столом – если только какой-нибудь другой столик не привлечет его особого внимания своей сервировкой. И снова ему не суждено было сделать даже шага – теперь его задержала Маша.

– Смотри, – в третий раз выкрикнула она, цепко схватив парня за рукав комбеза, – чего это он?!

Олег взгляделся в «него» – многорукого каменного истукана, которого не стали тащить внутрь бота по причине тяжести.

– Ну, и объемности тоже, – добавил про себя Громов, – он ведь даже в пустую сумку, в Бига не поместился!

Да – Олег попытался чуть раньше разместить в пустой сумке этот артефакт, внутри которого явно таились какие-то скрытые потоки энергии. Больше для интереса. Но увы – объем этой каменной фигуры явно превышал два кубометра. Вот и стоял он по-прежнему, успешно определенный еще Амбаром на толстые, и короткие в общих пропорциях фигуры, ноги. А рук у этого истукана было сразу шесть. Расположены они были по всей окружности бочкообразной груди; по сути, она была одновременно и плечами, из которой росли эти конечности, грозящие сейчас небесам.

Олег пригляделся; поиграл зрением. В магическом его формате было хорошо видно, что силы, которые дремали в камне многие годы, может быть, тысячелетия, сейчас пробуждаются. Внутри каменной фигуры буквально дрожали от перенапряжения толстые жгуты абсолютно черного цвета. Словно истукан сейчас вбирал внутрь себя энергию урагана, и радиоактивных частиц, что стихия несла с собой. Стояла фигура, кстати, за пределами круга, образованного артефактной пылью.

Олег встревожился. Даже шагнул вперед, приложив руки к незримой преграде. Он решил постоять тут, подпитывая плетение своей внутренней энергией до полного; что говорится, по самое горлышко. Хотя и понимал – направь свою энергию истукан вот в это отверстие, в котором Олег Громов проявлялся сейчас, как на ростовом портрете, и ничто не спасет ни начинающего мага, ни тех, кто стоял сейчас, не дыша, за его спиной.

И древний артефакт все же выстрелил. Да так, что стихия на долгие мгновения, кажется, замерла в удивлении, а может быть, и в страхе. Выстрелил прямо вверх, в небеса. Как оказалось через долгие минуты, в которых Олег мучительно ожидал какой-то развязки, истукан направил свою черную энергию не наобум; он явно в кого-то целился. Ну, или случайно попал, во что Громов не поверил ни на мгновение, а потом притянул к себе, как добычу на аркане.

Какая-то огромная махина, превышавшая размерами даже бот, рухнула вдруг наземь – как раз на этого истукана – заставив окрестности задрожать. И самого Олега внутри себя. Хотя внешне бот никак не донес до своих пассажиров даже тени от этой дрожи.

Громов же видел – под громкое: «Ах!», – всех остальных за спиной, как этот громадный объект чуть сплюснулся, а потом начал заваливаться набок, грозя задеть краешком своей неподъемной массы их бот. Олег не закрыл глаз, и не бросился к другому борту бота – в надежде, что уж дотуда обломки летательного аппарата, которого определенно поразил древний артефакт, не дотянутся. Родилась в парне какая-то надежда, связанная как раз с той самой окружностью, образованной сейчас просвечивающей пылевой стеной над останками портала. И он не ошибся! Борт корабля; явно космического, пышущего жаром, и какой-то внутренней энергией – от трения о воздух – что хорошо было различимо в том же магическом видении – навалился на эту хлипкую преграду. И отскочил от нее, перевалился на другой борт, словно получив хороший такой пинок под зад (точнее, в бок); или электрический разряд немыслимой силы; или, на крайний случай, спружинив от чего-то очень упругого, резинового.

– Ну, вот и все, – Олег отнял руки от щита перед собой, – теперь только ждать окончания урагана, – а до этого меня не трогать. Всем понятно?

Он повернулся, и сделал-таки тот самый шаг, который приблизил его к очередной трапезе. И толпа, в которой почти все были детьми, послушно расступилась, пропустив его к столу и стулу. Который оказался надежно закрепленным к полу. Как и сам стол, кстати. Олег покачал головой на такой вот конфуз, в котором он не смог придвинуть стул поудобнее к столу. Зато подвинул поближе блюдо, полное какой-то каши с мясом, а потом еще и вазу с овощами, и отключился от действительности.

Глава 2. Маша и Нетта, двое в одном теле

Маша просто не могла поверить в чудо. Да, она привыкла к этому имени; к тому, что Носитель, Олег Сергеевич Громов, попаданец из другого мира, и начинающий маг, считает ее живым существом; разумным, и совсем не отличимым от всех остальных.

– Кроме, разве что, плоти, живого тела. И вот оно у меня есть! А недавно было даже шесть. Но там действительно все было как-то искусственно, и временно. А здесь? Навсегда?!

Этот вопрос; по сути, крик внутрь себя, заставил пошевелиться Нетту – то робкое создание, которое Маша властно отодвинула в самый дальний закуток общей души.

– Так будет лучше для нас двоих, – заявила она безапелляционно, кивнув на Олега Громова.

Нетта, очевидно, выглянула на мгновение из своего «закутка», и опять нырнула обратно – под язвительный смешок Марии Павловны. Уж ее-то обнаженная фигура Громова никак не смутила. Она знала в этом теле каждый изгиб; как внешний, так и внутренний. Но про «внутренний» – это было в прошлом. А настоящее тут же преподнесло сюрприз. Даже несколько таких. Сначала орк, придурок с тупым чурбаком вместо головы, смахнул себе эту самую голову мечом.

– Это же надо! – возвала она внутри себя к сожительнице, Нетте, – взять в руки чужое оружие! И переть с ним на мага!

– Настоящего? – выглянула опять Нетта.

Вид крови, и мертвого орка, разделенного на две неравные части, ее ничуть не смутил. Напротив – Маша почувствовала, что ее нежная, такая ранимая половинка от этой картинке буквально затрепетала; от радости, кстати. Девушка словно захлопала внутри общего тела ладошками, и пустилась в пляс...

Маша ее понимала. Ведь именно вот этот безмозглый здоровяк, сейчас валяющийся на черной земле безголовым трупом, когда-то, года три назад, грубо надругался над Неттой. А потом еще, и еще раз... много раз – все эти годы.

– И над другими, кстати, – Маша погрузилась ненадолго в память тела, – потому, наверное, у всех тут лица, словно они аплодировать сейчас начнут. Даже парни. Хотя их-то орк не трогал... наверное, хозяин не разрешал – ведь все там, в детском приемнике, творилось только с его разрешения... Так что в недоумении тут от такой реакции малолетней гвардии пребывает разве что только сам могучий маг. Олег...

А потом все вокруг завертелось. Заботами, работами, которые щедрой рукой наделял Олег. Его Маша по-прежнему считала своим... своим... кем?

Не могла сразу определить, хотя чувствовала – та кровная связь, которая связала их в подземелье, никуда не делась.

– И ты, Олег Сергеевич, от меня никуда не денешься! – заявила она как-то хищно, отчего Нетта опять забилась в свой уголок; Маше пришлось ее успокаивать, – да ты не бойся, не стану я сразу вешаться ему на шею. Успеешь привыкнуть.

Потрудиться пришлось на славу. Тут, в деле сбора добра, которое было добыто весьма нелегким трудом, хотя и относительно быстро, Маша полностью поддерживала Громова.

– Тем более, – говорила она Нетте, которая помогала ей по мере сил (которых, к слову, у ней было не так и много), что кушать нам теперь придется за двоих. И физики придется добавить.

– Физики?! – с явным испугом спросила Нетта.

– Конечно, – кивнула внутрь себя Маша, хохотнув, – а что ты хотела? Теперь у нас на двоих три уровня заученной базы фехтования. Хочешь, не хочешь, придется соответство-

вать. Вот увидишь – Олег нас с тобой погонит на тренировку; как только свободная минутка образуется.

– База... фехтование..., – еще явственней простонала Нетта.

– И не только она. Хочешь, озвучу?

Нетта не ответила, но Маша все же перечислила, явно гордясь собственными успехами, не привнесенными когда-то давно создателями Малого Помощника МП-18, а обретенными уже здесь, вместе с Олегом. Перечислила четко, с нужными ударениями – словно на доске писала, как Мария Павловна когда-то, в своем виртуальном образе:

– Инженер; фехтовальщик; хакер; программист; погонщик; многозадачность; выживание; техник по ремонту и использованию атмосферных летательных аппаратов. И все в третьем уровне. Правда, здорово?!

– Наверно, – ответила, чуть помедлив, Нетта – Маше все же удалось разговорить ее, – я, правда, только про выживание поняла.

– Какие твои годы! – Маша с энтузиазмом вспомнила одну из поговорок Громова.

– Почти восемнадцать, – едва слышно ответила Нетта, явно не поняв подтекста последних слов напарницы.

– Эх, – мечтательно заявила Маша, наклоняясь к очередному тазику, с виду золотому или позолоченному, из которого вывалились какие-то фрукты; она начала складывать их обратно, – жалко, что нейросети у меня нет, и имплантов. Ничего – вот найдем нужную капсулу, и Олег обязательно сунет нам лучшую из сетей в голову!

– В голову?! – ужаснулась Нетта.

– А что тут такого? – Маша умудрилась посмотреть искоса внутрь собственного тела, – или ты не знала, что такое вот будущее тебя ожидало и там, у Хозяина?

– Не вспоминай о нем, пожалуйста, – едва слышно прошептала девушка, занимавшая прежде это тело одна, без всяких «соседак».

– Хорошо, – так же шепотом ответила ей Маша; и уже в полный голос, даже криком, – а вы куда, кошки драные? Олег! Оле-е-е-г!!!

На последний ее возглас, от которого едва не оглохла и сама, Громов все же соизволил явиться. Вот ему, да и себе тоже, Маша и начала объяснять свой такой эмоциональный взрыв. И было отчего – две несносные девицы, альвийки Элиза с Лютчией, заколебавшие ту же Нетту своим высокомерием еще в приюте, сейчас шустро перебирали ногами, удаляясь в сторону Леса.

– Да и пусть бегут, – успокоилась она вдруг, – и девок своих малолетних, таких же заносчивых, пусть уводят. Только почему с пожитками нашими? Кто позволил... кто разрешил?!

Разрешил. Прямо здесь и сейчас – Олег, настоящий хозяин всего того богатства, что сносили в бот сразу несколько команд. Вот одна из них, состоящая из альвов женского пола, и одного пацанчика, улучив момент, удрала от опасности, что надвигалась от центра развалин; надумала скрыться от нее в лесу.

– Ну, и пусть, – сказал Громов, – и трофеи пусть уносят. Много они там могли унести?

Кажется, он даже вздохнул спокойней. А потом напрягся – увидел мелкого альва, которого старшие забыли здесь – случайно или намеренно.

В общем, Маша была даже довольна. И про девок – Элизу с Лютчией – подумала:

– Дуры. Как есть, дурры. Разве может быть место безопасней, чем здесь, рядом с Олегом. Магом, и просто... счастливым по жизни?

– Счастливчик? – тут же проклюнулась в своей скорлупе Нетта.

– Конечно, – без сомнения заявила Маша, – ведь он здесь встретил меня! Ну, и еще другие признаки есть, не такие существенные.

А потом она стояла рядом с Громовым, у дверного проема, который, вроде бы, ничто не ограждало от буйства урагана. Но, раз здесь спокойно стоял Олег, значит, и Маше с Нет-

той совершенно не нужно было беспокоиться. Но она все же замерла в нарастающем испуге, а Нетта, так вообще завизжала внутри их общего тела, когда появившаяся с небес без всяких молний и громов масса космического корабля начала заваливаться прямо на их бот.

Даже Олег рядом напрягся – словно своей магией собрался отшвырнуть эту многотонную массу подальше. И Маша была почти уверена – именно он, маг и самый близкий ей человек, и оттолкнул опасность от них всех. А потому...

Она присела за один стол с Олегом и, впервые в своей долгой, прежде искусственной жизни, попробовала на вкус обычную человеческую еду.

– Да, – хихикнула осмелевшая почему-то Нетта, – тебе еще много чего придется испытать в первый раз; в том числе и чисто женского.

Теперь Маша ничего не ответила. Она наслаждалась и тонким вкусом фруктов, каких не видела ни в одной из своих жизней, и близостью Олега, который сейчас не обращал внимания ни на что, и...

– А, нет! – поправила она саму себя, – обращает!

– Куда! – Олег сорвался с места.

А Маша только и успела, что повернуть голову, и отметить, как он запрыгивает, чуть ли не в полете, на какую-то платформу, что возносила в дальнем углу парнишек – Ванна и Амура, которые недавно так активно помогали ей собирать трофеи. Очевидно, их активность там, за пределами бота, не иссякла. Вот и теперь она помогла им вляпаться в очередное «приключение». Олег успел – закатился внутрь платформы, которая исчезла. А Маше, остановившейся вплотную перед тем пространством, от которого она поднялась, словно кто-то глаза открыл. Ну, будто и не было у нее многолетнего опыта жизни и работы в качестве Малого Помощника. Это же было так очевидно – выделенный квадрат на полу, три полосы разного цвета на стене, на уровне с груди – красный, желтый и зеленый. Из памяти последнего своего Носителя, Олега Громова, она помнила, что эти цвета означают светофор – какое-то примитивное средство регулирования транспорта в мире Олега; только наземного. Здесь же это не могло не быть ничем иным, как...

Она глянула, вместе с Неттой, в другой ближайший угол. Тот тоже был свободным, и снабжен и отличительным цветом квадрата на полу; и тремя такими же полосками. И она шагнула на этот квадрат размерами полтора на полтора метра (это по меркам Земли, родного мира Олега Громова), и нажала на среднюю, желтую полосу на стене. И лифтовая площадка послушно повезла их наверх.

– Ой! – воскликнула Нетта скорее в изумлении, чем в страхе, – а нас тут не зажмет?

Она явно имела в виду надвигающийся край потолка, который одновременно являлся полом для второго этажа.

– Не бойся, дурашка, – очень мягко ответила ей Маша, – смотри!

Она протянула общую руку – за пределы площадки, несмотря на слабое противодействие напарницы – и платформа так же послушно замерла, не позволив себе зажать, или как-то по-иному повредить живую человеческую плоть.

– Мою! – ликующе заявила Маша, опуская руку.

Платформа продолжила путь, и Маша с Неттой совсем скоро могли насладиться голосом Олега Громова – сердитым и назидательным. Маг отчитывал мальчишек, которые стояли на той самой площадке, что вознесла их вместе с Олегом сюда. Стояли, пошмыгивали носом, и нет-нет, да постреливали взглядами из-под низко опущенных голов на пространство этого, второго этажа.

А тут было на что посмотреть! Часть этажа – примерно половина, как прикинула Маша – занимали те самые тренажеры, заниматься на которых так советовала она сама начинающему абордажнику Олегу Громову. Марку и мир, в котором были изготовлены эти аппараты, Маша

определить не могла. А вот то, что поколение их было достаточно высоким, и что внешне они выглядели совсем целыми, даже новенькими...

– Ну, ладно, – закончил, наконец, Олег, – вы все поняли?

– Все! – хором ответили мальчишки, – дядя Олег, а пойдём посмотрим, что там дальше! Олег хмыкнул, и махнул рукой: «Пойдём!».

Маша теперь не удивилась – здесь, за дверью, властвовало белоснежное медицинское царство. Только огорчилась немного – вспомнила, что две нужные базы, изученные вместе с Олегом – «Медицина», и «Техник по ремонту и использованию медицинской техники» – безвозвратно утеряны.

– А еще – «Танцы» и «Техник-бытовик». Ну, это не так обидно. Хотя сам Олег на той поляне, с дроидами, танцевал просто замечательно. Самой хотелось взлететь, как белому лебедю. Ну, ничего, – постаралась успокоить она себя, – у Олега ведь его базы изученные никто не отобрал. Значит, и вот это богатство используем.

Она двинулась по недлинному ряду медицинских капсул, которых здесь в комнате размером где-то шесть на десять метров, обнаружилось целых пять штук. Нетта подтолкнула ее, и общее тело двинулось, оглаживая прозрачные крышки, сейчас закрытые, негромко озвучивая:

– Хирургическая; общего пользования, то есть лечебная; еще одна такая же; эта учебная, и еще одна. Всего пять. Вот это шкафы. Там, наверное, много чего интересного можно обнаружить. А это что? Куда эта дверь ведет?

Маша попыталась толкнуть, а потом дернуть на себя дверное полотно, которое своей белизной и гладкой поверхностью практически сливалось со стеной. Дверь не поддавалась ее усилиям.

– А это, – заявил Олег чуть торжественно, – и есть одна из дверей, которая ведет в пещеру Али-Бабы! Только волшебного пароля, вроде: «Сим-сим, откройся!»», – у нас нет.

– Какую пещера? Какой «Сим-сим!» – рассердилась Маша – прежде всего на себя.

На себя, потому что вот про эти слова, означавшее что-то значимое, она в памяти Олега ничего узнать не успела.

А Громов рассмеялся. И пояснил и Маше, и парнишкам, которые ходили за ним, как привязанные:

– Это сказка такая, про Али-бабу и сорок разбойников. Будет время, расскажу.

– Ага, – подумала Маша, – будет у тебя время – как же!

– А на самом деле там, за этой дверью, – продолжил Олег, – покои бывшего хозяина бота, Фаркада Албама. И нам нужно обязательно попасть туда. Если только, конечно, мы не хотим продолжить наше путешествие на своих двоих.

Маша мотнула головой сразу за двоих: «Не хотим!». Она сейчас остро пожалела об утраченных возможностях. Не факт, что ей удалось бы открыть своим прежним шупом эту дверь, как другие, в подземелье. Но хоть попытаться же можно было! А Олег словно прочел эту мысль, которой она поделилась только с Неттой.

– Попробуй, – кивнул он Маше, доставая откуда-то, словно из параллельного пространства, знакомый чемоданчик.

Маша уже знала, что Амбара, как Носитель называл артефактный костюм арамских пауков, больше не было – многочисленное добро, широкими полосами разбросанное вокруг бота, прямо указывало на это.

– Тогда как же?... – начала она вопрос.

– Потом, – улыбнулся маг, – а пока давай, начнем.

В дипломате, как назывались прямоугольные саквояжи, опять-таки в мире Громова, находилось высокотехнологическое оборудование.

– Мечта взломщика, – назвала его Маша, – официально доступное в Содружестве только для спецслужб. Не случайно Гуран ал Марн хранил его в тайном подвале. Вот теперь посмотрим, чего значили все эти базы; включая непосредственно «Хакер», ну и «Программирование» с «Погонщиком».

Увы – работать с дроидом-взломщиком смог только Олег. Ну, не было у Маша нейросети в голове, и отметки сертификации выученных баз на ней. А вот у Громова все это было. И он, чуть виновато пожав плечами, приступил к таинству. Маша предполагала, что – не подчинись магу этот металлический паучок размером с кулачок Нетты – и тот предпримет магический штурм. И добьется своего, даже если придется сжечь всю эту стену.

– Или расплавить, разбить на куски, распылить на мириады молекул, перенести тоже в другое измерение – можно выбирать любое. Главное – результат будет.

Однако Олег предпочел именно такой, бескровный путь. «Паучок» в его ладони приветливо пискнул, загорелся огоньками, и перебрался на стену, где и замер – внешне совсем не работая над решением поставленной задачи. Только огоньками насмешливо подмигивал. Вот таким живым его представляла для себя Мария Павловна, она же Нетта. А Олег заявил, довольно улыбувшись:

– Обещает открыть через два часа. Точнее, час, и пятьдесят шесть минут. Время пошло. Ну, и мы пошли.

– Куда? – тут же вскинулась Маша.

– Да, куда, дядя Олег? – повторил за ней Ванн.

Это ей Нетта помогла различить одного парнишку от другого.

– Как куда? – изумился Громов; а потом расхохотался, – там же нас еще один этаж ждет!

И он ткнул пальцем в потолок. И шагнул было в дверь, куда уже шмыгнули парнишки. Но Маша притормозила его, ухватившись за рукав, и показав другой рукой на ближайшую капсулу:

– Олег, у нас же есть нейросети...

– Есть, – кивнул Громов, улыбаясь, – и одна из них по праву твоя. Выбирай любую. Помнишь?

Маша отбарабанила – как недавно Нетте, с изученными базами:

– «Ученый – 7СУ» седьмого поколения, с двумя имплантами, на интеллект, по пятьдесят; и еще одной парой – на память, тоже по пятьдесят.

– «Инженер – 5Н» пятого поколения. Тут имплантов всего два – оба на интеллект, тоже по пятьдесят.

– И третья сеть, самая на мой взгляд интересная – «Администратор «бМУ», с кучей имплантов. Тут и на интеллект по пятьдесят; и на скорость реакции; и укрепление мышц и костей; защита от пси-атак, увеличение собственного уровня пси-активности, и, наконец, «Кошачий глаз»! Вот!

– Ты хочешь стать кошкой?! – в ужасе прошептала Нетта.

Но Маша лишь отмахнулась от нее. Ждала, что ответит ей Олег. А тот лишь сказал, пожав плечами:

– Еще раз готов повторить – это твой выбор. Какую выберешь, такую и поставим. Но у тебя еще есть время... скажем, до завтрашнего вечера. Если не передумаешь – прошу, – он чуть шутовски поклонился, и показал рукой на ближайшую к нему капсулу, хирургическую; и добавил, – кстати, интересно будет посмотреть – добавила ли ты интеллекта этой девочке, что так испуганно замерла внутри вашего общего тела.

– Ты видишь?! – ахнула Маша.

– А что тут невозможного? – Олег даже возмутился, – ну, вижу. Маг я, или погулять вышел. Кстати – насчет погулять. Мальчишки нас ждут – как бы не выкрутили что-нибудь нужное.

– Как же, выкрутят! – фыркнула Маша, еще не вернувшая себе спокойствие, – ты им таких хвостов сейчас накрутил... до нашего приезда.

– Вот, – поднял к потолку палец Громов, выходя из медицинского отсека, – следи за словами. Что значит «до нашего»?!

Парнишки уже ждали – у той самой лифтовой платформе, которая привезла их с Олегом на этаж. Худенькая, стройная фигурка Нетты, а теперь и Маши, заняла на ней совсем немного места. Так что Олег, оглядев ее по мере того, как лифт медленно поднимал их этажом выше, вздохнул, и проговорил на ушко – так, чтобы Ванн с Амуром не слышали:

– И не жалко будет такую фигуру портить? С имплантами этими, на крепость. Такая девушка рядом едет, аж слюнями захлебываюсь.

– Кобель! – тут же отреагировала Маша, непроизвольно поправляя челку, – про Миру уже забыл?

Олег не ответил; чуть нахмурился. И первым шагнул с платформы – в коридорчик, который вел в другой, пошире, где по обе стороны располагались двери. Открытые, кстати. Они дружной толпой ввалились в первую же комнату. Маша улыбалась, как будто не обменялась сейчас с Олегом колкостями. Ну, и парень внешне выглядел вполне беспечно. Но Машу обмануть было сложно – с ее-то опытом ковыряния в душе Олега Громова. Она видела, что маг ушел в себя, а может быть, и еще дальше. А он чуть погодя подтвердил – после того, как они все вместе оценили этот кубрик – такое название Олег дал комнате размерами где-то четыре на три с половиной метра. Эти метры, совсем не великие, на взгляд Маши, вместили в себя две двухъярусные кровати, синтезатор и столик с двумя стульями по обе стороны еще одной открытой двери. За которой располагалась душевая комната.

– В общем, жить можно, – сделал заключение Громов, – вот тут мы и будем ночевать. В смысле, в разных комнатах (это он заявил, бросив косой взгляд на Машу), и с компанией, которая устраивает. А насчет Миры... чувствую ее присутствие там, в Лесу. Направление и примерное расстояние до нее. Как раз километров сто будет. Ну, или пятьдесят лиг, по местному. И десяток орков, моих кровников рядом. Так что все у них хорошо. Ждут нас. Постарайся вернуться вовремя. Хотя это, я считаю, уже не имеет принципиального значения.

Маша на этот раз промолчала. Еще и отругала себя за то, что так неудачно вспомнила про главу искательского сквайда. Но спросила, добавив чуточку виноватости в голосе:

– Почему не имеет?

– Так видно же, что Лес уже не Злой. В смысле, нет в нем уже магии. Хотя, конечно, надо проверить. Вот с утра этим и займусь. Ну, и вон ту тушу неохватную, что свалилась с небес, нужно обследовать. А потом рвать отсюда, пока за ней не спустились. Хотя это маловероятно.

На этот раз Маша вопросов задавать не стала; вспомнила разговор Олега с головастиком, несчастным Галамедом ал Буркаем. Этот модификант, по сути, огромный мозг на хилом тельце, объяснил им тогда, что такое Красная Угроза в планетарных масштабах. А насчет свалившегося с небес объекта...

– Ты меня с собой возьмешь? – попросилась она в утренний вояж с такой жалобной физиономией, что Олег невольно рассмеялся:

– К Лесу? Или за трофеями, в ту летающую штуковину, – он опять мотнул головой куда-то в неопределенном направлении, – возьму; только при одном условии.

Маша набрала полную грудь воздуха, и выпалила, не обращая никакого внимания на внутренний крик Нетты:

– Я согласна. На все!

– Ну, жертв особых я не потребую, – теперь парень почти смеялся над девушкой, – просто с утра хотелось бы клинками помахать. Ты как, не забыла, что у тебя база есть обученная, «Фехтование»?

– В третьем уровне, – усердно закивала девушка, – и не только она!

– А о других речь будем вести, когда сеть тебе поставим, и она развернется, – подвел итог дискуссии Громов; и тут же дал задание – как прежде, когда Маша была его Помощницей:

– Ты тут покомандуй. Распредели народ по каютам. Ну, и покажи, где тут чего. Вода, кажется есть. О – и горячая даже! Я эту каюту за собой оставляю. Пока. Меня ближайшие полчаса не тревожить. Задача понятна?

– Так точно, командир, – постаралась сохранить серьезную мину на лице Маша; и все же не выдержала, приснула, – а спинку потереть не нужно?

И выскочила за дверь, куда раньше вытолкала мальчишек.

– Так, парни, – велела она строго, – без меня отсюда ни на шаг. Понятно?

Пацаны дружно закивали.

– Пока можете выбрать себе комнату... каюту, как их дядя Олег называет. И подумайте, кого вы хотели бы к себе подселить. На двух шкетов такие хоромы очень жирно будет.

Впрочем, она уже сама крутила в голове разные варианты размещения. С учетом того, что осталось без Олега, и его каюты...

– Всего семнадцать на пять кают. Получается по три с лишком на комнату...

Вот так, прикидывая, и разбивая на компании наличный контингент, у которого не собиралась спрашивать мнения, она спустилась сразу на первый этаж. А там заявила – громко, во весь голос:

– Каран – бери двух своих пацанов и шустро за мной.

Очевидно, что командный голос, и то, что она вернулась от Олега, признанного всеми командира, заставило юного дарфа Карана, который шириной плеч и массой был втрое больше нее, без слов повиноваться – вместе с двумя такими же плотными парнями, имен которых, по их малолетству, не знала даже Нетта. Но ни она, ни Маша интересоваться сейчас не стали. Просто доехали в их компании до третьего этажа; уже только Маша определила троих постельцев в комнату, смежную с той, куда уже вселился Громов, и объяснила нехитрые правила проживания. Только синтезатор не трогала – в полной уверенности, что работать тот пока не будет.

– Да и внизу припасы нужно уничтожить; пока не пропали.

Вот так же она развела по комнатам: сначала дарфу с тремя девчушками, шириной плеч мало чем уступавших коротышкам-парнишкам; потом зеленолицую и клыкастую орку с двумя темнокожими девчушками, которым работу бытовых приборов пришлось показывать чуть ли не десяток раз. Затем, по порядку, который шел от олеговой каюты против часовой стрелки, заселились три пацана – Ванн с Амуром, и альв, которого пришлось нести на третий этаж на руках. Но парнишка этот был таким легким, а Маша буквально насыщена энергией созидания, что веса его она почти не почувствовала. И, наконец, сама вселилась в последнюю каюту – ту, где дверь была как раз напротив другой, что сейчас была прикрыта каким-то плотным занавесом; явно магическим. Все остальные двери были открыты, никак не поддавались на попытки хотя бы прикрыть их. Видимо, что-то сломалось в механизме бота, отвечающем за их работу.

К этому времени развеялось и покрывало на двери каюты за номером «Один» – его, как и всем другим по порядку, присвоила для удобства сама Маша. И сам Олег вышел – посвежевший, и улыбчивый. И тут же без разрешения завалился в комнату девчат – к себе Маша подселила (вместе с Неттой, конечно) двух странных подростков; как выяснилось, женского рода. Какой они были расы, на каком языке разговаривали? На все вопросы они просто кивали головой и глупо (на взгляд Маши) улыбались.

Вот и Олег задал свой первый вопрос именно про них. Ткнул пальцем без всякого смущения в девчонок, сидевших вдвоем на нижней кровати; левой, если смотреть от двери, и спросил:

– А это что за чуда? Сколько не пытался вспомнить про таких вот, так ни к чему и не пришел. На инопланетян наших похожи – и цветом лица, и разрезом глаз, которые втрое больше, чем у нормального человека, и совсем нетипичным поведением. Да и платья такие у них зачем?

Маша и сама обратила внимание на такую вот странность. Рукава у платьишек обеих девочек закачивались тонкими перчатками, которые были соединены с основным материалом платьев без всякого шва. Представлялось, что снять эти перчатки можно было, только стянув с них сами платьишки.

Маша засыпала Нетту вопросами, и медленно выкладывала перед Грозовым сведения, не такие уж обширные:

– Эти девочки появились в приюте совсем недавно. Месяц, не больше. Вот такими, с перчатками, их и привели. Они и спали прямо в платьях. Если и раздевались, то где-то в другом месте. Их, кстати, каждый день уводили, часа на два, не меньше. Ордум... ну, тот орк, хотел было к ним пристать...

– Ну, и..., – Олег поторопил Помощницу, застывшую с каким-то непонятным выражением лица.

– Это не я; это Нетта, – хотела оправдать свою паузу Маша.

Но не стала делать этого, естественно. Просто нежно поторопила подругу, и добавила – уже вслух:

– Орку досталось по первое число. Седмицу сидеть не мог. А девочки эти... с ними никто не общался – боялись. Да они и языка-то нашего, наверное, не знают.

Диковинные девчушки во всем продолжении этого рассказа не шелохнулись. Только улыбались все так же загадочно.

– Вот так же шизики, наверное, в дурдомах улыбаются, – проворчал Олег, наклоняясь над ближайшей девочкой.

Ни Маша, ни – тем более – Нетта, ничего говорить, или возражать на его действия не стали. А парень просто вынул из ножен, каких на его поясе было пара, короткий клинок, повертел его перед глазами; потом зачем-то задумчиво хмыкнул, и несколькими движениями лишил девочек части их одежды. А именно – тех самых перчаток. Судя по тому, как судорожно они вцепились друг в друга – ладонями, сразу четырьмя – и как посветлели в один миг их мордашки, было видно, что эта операция их ничуть не расстроила, или рассердила. Больше того – они вдруг заговорили! Вместе, медленно, явно выбирая слова; запинаясь – но все же!

– Здравствуйте, дядя Олег, и тетя Маша, и тетя Нетта. И вы, мальчики Ванн и Амур, здравствуйте. Нас зовут Мия и Галия, – очень медленно, по слогам, заявили они.

Маша повернула голову, шикнула на пацанов, чьи любопытные мордашки торчали из-за дверного полотна. Тех как ветром сдуло.

– На самом деле, конечно, они никуда не рванули, – решила Маша, – греют сейчас уши в метре от дверей. Ну, и пусть, вообще-то.

И только после этого она ахнула; вслух:

– Тетя Нетта?! Вы что – видите ее? Или меня?!

– Видят-видят, – ответил за девочек Олег, чуть напряженно улыбаясь, – в первый раз о таком слышу, и вижу. Брон Патамбу ничего подобного не рассказывал.

– О чем, о таком? – свистящим шепотом спросила Маша, помня о мальчишеских ушах за дверью.

А маг сначала махнул небрежно рукой в ту сторону, и в девушку вдруг вселилась уверенность, что никто ничего за пределами этой комнаты услышать не сможет.

– Вот эти девчата, – он опять ткнул в ближайшую из девочек, которые теперь живо крутили головами по сторонам, – только что были совсем обычными... ну, в магическом плане, детьми. А взялись за руки, и – пожалуйста вам! Самые настоящие маги сидят. Не очень сильные, конечно, уровня «С». Не выше. Но все-таки... Ага – ну-ка, а вот так?

Он с видимым усилием разорвал кольцо из детских рук, и довольно прищурился: «Опять обычные!... А так опять одаренные... И снова...».

Наконец, словно наигравшись, он спросил – у самих девочек:

– Ну, и что нам теперь с вами делать, такими необычными?

– Ничего не надо делать, – почему-то скривились в болезненной гримасе девчата; казалось, они сейчас заревут, – только верните нас домой, к маме и папе.

– Мама и папа это хорошо, – протянул маг, – а кто они у нас?

– Обычные сполоты, даже не из высшего рода, – синхронно пожали плечами девочки.

– Сполоты?! – теперь уже не скрывая, ахнула Маша, – настоящие сполоты!

Она слышала про эту загадочную расу из Старших. Могучие маги, которым не было никакого дела до обычных разумных. Своих планет, которые располагались в самом центре Содружества, они практически никогда не покидали. Считалось, что именно сполоты были связующей ветвью между Древними, и современным Содружеством – чтобы там не заявляли аграфы; еще одна раса из Старших.

– В общем, сам черт у вас ногу сломит. А мне бы вот совсем этого не хотелось, – заявил, наконец, Олег, – я про ноги и чертей, если кто не понял. Так что – обо всем молчок, пока я не разрешу. Это всем понятно?

Все – это Мия с Галией, и Маша с Неттой – усердно закивали головами; последние одной на двоих.

– Надевать это я пока не буду, – Олег достал из кармана комбинезона, и снова спрятал в него те перчатки, что отрезал от платьиц девчат, – но только до тех пор, пока вы выполняете все, что я скажу. Это тоже понятно?

И опять все кивнули; даже Маша с Неттой, хотя им перчатками не грозили.

– Ну, тогда..., – Олег улыбнулся, показав, наверное, все свои зубы, удивительно ровные и белые, – пойдете вниз, пожуюем что-нибудь. А там, глядишь, и время подойдет, взломщик сигнал подаст.

– Проглот, – только и сказала Маша; кажется, даже вслух...

Глава 3. Олег Громов, владелец атмосферной техники

Дроид-взломщик, в отличие от обычного разумного, не спешил, и не опаздывал. Подал сигнал точно в обозначенное самим время. Конечно, сквозь несколько переборок бота Олег, даже с обострившимся слухом, не мог расслышать такой сигнал. Однако для связи, которую нейросеть в его голове поддерживала с искином, что располагался в кейсе, рядом с паучком-дроидом, слои пластика и броневой стали, из которых и были представлены эти переборки, никаких помех не создавали. Так что Олег, задержавшийся на первом этаже общей секции бота, являющейся столовой, уголком релаксации для экипажа, и вообще, местом для общего сбора, и попивавший напиток из кувшина, сохранившего в своем падении сургучную печать, а значит, и все содержимое, узнал, что нужная дверь, наконец, открыта – сразу же, как дроид отвалился от дверного полотна, и плавно спланировал на свое место в открытом кейсе. Хотя никаких крылышек у него на было. Высокие технологии, однако.

Напиток, который Олегу чрезвычайно понравился, вином, или другим алкогольным напитком не являлся. Но в голову ударял – свежестью и ясностью мыслей. Громов обозвал его шербетом, и прикидывал – не обидятся ли остальные, если он приватизирует этот кувшин.

– Почти полный, кстати, – прикинул он на вес, – литра четыре еще будет. Ну, и сам тоже немало весит. Опять золото, однако. А, ладно! Чего стесняться? Как говорится: «Все вокруг колхозное...». Нет, не так – только вторая часть поговорки: «Все вокруг мое!». Так будет правильной. Потому, Биг – принимай «подарок».

Рука вместе с кувшином, который оттягивал ее своей тяжестью, опустилась почти до пола, скрывшись от всех любопытных глаз, а потом уже сосуд перекочевал в сумочку, что крепилась к ремню с левой стороны. Эта артефактная сумка сейчас была почти пуста – все ее содержимое Олег успел сгрузить в переднем отсеке бота. Куда сейчас, кстати, пока не имел допуска.

– А ведь и туда должна быть дверь; прямо отсюда, – подумал Громов, – не бегали же ребята наружу, и по кругу, чтобы попасть в те самые технические отсеки, куда я только заглянул. Или экипаж, для которого приготовили места на третьем этаже, никакого отношения к технике не имел? Ну, с этим разберемся. А сейчас погнались.

Он поднялся, уже без кувшина в руке, отсутствия которого никто и не заметил.

– Ну, кроме тебя, конечно, – улыбнулся он Маше, все это время просидевшей рядом, и тоже оценившей вкус и благотворное действие шербета; сказал мысленно, как привык за предыдущие дни; и тут же добавил, повторив недавнее, уже вопросительно, – погнались?

– Куда?! – тут же подскочила Помощница.

– А дроид сообщил, что отрыл-таки дверь.

– Ага, – вспомнила Маша, – пещера Али-бабы! Сим-сим открылся?

– Открылся, – негромко рассмеялся Олег, – пойдём.

– А мы?! – рядом в одно мгновение оказались шустрые мальчишки – Ванн с Амуром.

– А вы, останетесь здесь, и будете слушаться Карана, как меня самого. И если он пожалуется...

Дальше он не стал продолжать. Пацаны явно прониклись. Как и ощущением того, что они, скорее всего, в эту самую «пещеру Али-бабы» никогда не попадут. Вот такой посыл сумел втиснуть в свои слова начинающий маг Олег Громов. И подтвердил – мысленно, только для себя:

– А что, мы все же в средневековье находимся, если даже не где-то еще глубже. И права частной собственности, и другого права – на личную жизнь и тайны – никто не отменял. По крайней мере, я для себя – точно... А Маша? Ну, она, вроде как, часть меня. Так что прав у нее не намного меньше. В том числе и на этот бот. Скажем так – совладельцы; или компа-

ньоны – с правом решающего голоса у меня. Пойдем, компаньон. А ты, Каран, остаешься тут главным. Пока.

Гном в ответ встопорщил бороду – это так он улыбался. Кстати, почти повторив ужимку Артана – когда он вот так смотрел вслед Олегу с Мирой. Наверное, и Маша тоже отметила что-то похожее, потому что возмущенно фыркнула. Но ничего не сказала; пошла за Громым под перекрестным огнем взглядов детей, которые опять собрались тут все. Даже эльфенок появился. Сейчас ни он, и никто другой выйти за пределы трех этажей отсека выйти просто не мог – без помощи мага, установившего защиту.

– Она, кстати, прекрасно справилась со своей задачей, – отметил Олег, подходя к этой прозрачной преграде – прежде, чем ступить на лифтовую площадку.

Он погладил щит ладонью, по его невидимой поверхности, убеждаясь, что заряда амулета, который и поддерживал щит, хватит еще надолго. А ураган, тем временем, уже утратил свою силу. Ветер еще гнал песок и совсем мелкие камни по округности, что образовывала вокруг развалин безжизненная полоса, но на что-то более крупное силенок у него уже не хватало. И тон его завываний перешел с торжествующего на какой-то жалобный, гаснущий с каждой минутой. Однако агония этой стихии могла продолжаться долго; ну, так Громов и не собирался выходить наружу раньше завтрашнего дня. А сейчас день перевалил только-только на вторую свою половину. Солнца, которому тут не мешали высокие деревья Леса, или остовы разрушенных зданий в развалинах, за песчаным облаком пока не было видно, но на этот случай в голове Олега всегда «тикали» весьма точные часы – нейросеть. А они утверждали, что по местному времени сейчас половина второго дня. Так что Олег сделал пару шагов назад, отступая от прозрачного полога и, уже не смущаясь, цапнул с ближайшего стола два нераспечатанных контейнера с пайками – те самые, что изготовила с помощью синтезатора команда Артана.

Но убрал он их в левую сумку на поясе, только оказавшись на втором этаже, под насмешливым взглядом Помощницы. Вот кого он совсем не собирался стесняться. Потому и заявил, пожав плечами:

– А что! Может, придется задержаться. Еще и сама у меня попросишь перекусить.

Маша только фыркнула. А может, это сделала ее вторая половинка, которую звали Неттой?

Олег выбросил из головы и этот вопрос, и все другое, несущественное. Потому что очень существенным, и досадным посчитал другую проблему – еще одну запертую дверь, которую он, даже не пытаясь проникнуть внутрь преграды магическим взглядом, посчитал очень мощной, несравнимой с предыдущей. И стены тут – на трети длинного отрезка, который представлял собой коридор шириной в ту самую порталную площадку, то есть, метра полтора – были под стать сейфовым, как в самых мощных хранилищах Содружества.

– Это я, конечно, загнул, – поправил себя Олег, опять доставая кейс, который только недавно вернул в Бен, правую сумку на поясе, – но впечатляет... да. И вот это тоже?

«Это» – сообщение искина взломщика, который определил на этот раз, что вскрывать дверь он будет чуть дольше четырех часов.

– А другие? – спросила теперь уже Маша, попытавшись толкнуть дверь, что располагалась от центральной слева, на равном расстоянии относительно всей длины коридора.

Была еще одна, расположенная справа, с такой же симметрией. А та дверь, в которую ткнулась Маша, неожиданно открылась. Олег оказался внутри мгновением позже Помощницы. Даже не заметил сам, сколько прыжков при этом сделал. Может, один?

А оказались они тоже в медицинском отсеке.

– Точнее, медицинско-тренировочном, – поправил себя Олег; и, уже вслух, – а что это за капсулы тут какие-то необычные?

Таких артефактов, которые он интуитивно обозвал капсулами, хотя на привычные ему они походили разве что общими очертаниями, и наличием крышек, тут совсем не прозрачных, было две. Но своей массивностью они визуально занимали почти все пространство, которое представляло собой вытянутую комнату шириной в четыре метра, и длиной – от двери до противоположной стены – как минимум, вдвое больше.

– Вот это и есть биокапсула цивилизации Самах, – торжественным тоном заявила Маша, – а это – тренажерный комплекс. Тоже, по сути, капсула. Только обучающая. А первая универсальная. Вот в эту хочу...

Она погладила массивный бок станины светло-коричневого цвета, – если вдруг решишь выполнить свое обещание. Ну, насчет нейросети.

– Я свои обещания всегда выполняю, – откликнулся Олег, – сказал – сделал.

Сам он пошел к другому артефакту – тренажерному. Такие тренажеры из Содружества (пара подобных стояли на втором этаже) выглядели вертикально ориентированными шкафами, где высота сильно превалировала над остальными сторонами. Здесь же был массивный куб, как раз занимавший пространство между стенами и потолком. И большую часть этого кубика со стороной в четыре метра, как решил Олег, занимали провода, трубки, и другие составные части этого механизма, собравшего в себя мудрость и технологии многих цивилизаций.

Почему он так решил? – да потому что крышка, или в данном случае, дверца, была открыта, и взглядам представало внутреннее пространство тренажерной капсулы. И оно как раз соответствовало размерам человеческого тела.

– Ну, с небольшим запасом, – решил Олег, – а для меня, так хороший запас получится. Хотя, предполагаю, после включения никакого свободного пространства внутри не останется...

Он даже поежился, представив себя внутри, в этой, какой-то с виду меховой полости. Пригляделся – это была не шерсть, а тоненькие искусственные ворсинки, на грани рассмотрения даже для его, уже достаточно модифицированного зрения. Но странно – одновременно остро захотелось внутрь, опробовать чудо техники, или, точнее, биотехнологии этого мира. Знание того, что кто-то из разумных, быть может, отдал свою жизнь; положил, так сказать, ее на алтарь науки и ради пополнения возможностей хозяина вот этого артефакта, уже не царяло душу.

– Пойдем отсюда, – потянул он за руку Машу, которая так же прикипела и взглядом, и, быть может, душой, к артефакту.

Но уже другому – горизонтально ориентированному, и заменяющему своей машиной всю линейку обычных медицинских капсул Содружества. Это сама Помощница так объяснила, двигаясь за Громовым, словно сомнамбула.

Но уже в коридоре это наваждение рассеялось, и с Маши, и самого Громова – по мере того, как они подходили к третьей, крайней правой двери. И она открылась, теперь уже под нажимом ладони самого Олега. А за ней обнаружился рабочий кабинет – роскошный, но в то же время достаточно функциональный. И главными тут Олег посчитал книжные полки. Какие именно тут собирал фолианты прежний владелец кабинета, и всего бота? Олег сразу рассматривать не стал. Решил пополнить полки, половина которых пока блистала чистотой и пустотой. Видимо, Фаркад Албам просто не успел сформировать библиотеку. Вот Олег Громов и принялся доставать свои книги – те, что тщательно отбирал в правую сумку. Он помнил внешний вид, но не название каждой – до последней незнакомой буквы на толстых обложках.

– И вообще, – подумал он, доставая очередной фолиант, и определяя его на полку – пока «по росту,» – миры разные, а тяга к толщине и чудовищным размером у всех одна. Тут на глаз и, так сказать, на «зубок», присутствуют знания не меньше четырех цивилизаций! И две из них точно магические!

Как он это определил? – да по фону магическому. Он тоже не развеялся в хранилищах Амбара за столетия, а может быть, и тысячелетия ожидания.

– Вот, и дождались, – погладил Олег последний на сегодня том, определяя его на полку, где собрал фолианты магического искусства, – теперь тут ждите, когда я до вас доберусь.

Впрочем, пока он был занят. Времени до той минуты, когда дроид-взломщик оповестит о своей очередной победе над сложным запором, оставалось еще очень много – почти четыре часа. Но и занять их было чем. Громов лишь на минутку присел в роскошное кресло, обтянутое кожей какого-то неизвестного животного, чтобы оценить его удобство. Оценил, в том числе и внутренним, магическим оком. Последним определил, что функционал этого предмета офисной мебели очень богат, и разбираться с ним придется очень долго.

Маша тем временем оценивала мягкость диванчика, что притулился в углу комнаты вместе с низеньким столиком.

– А вот на пол нужно будет принести ковер – из тех, толстых и тяжелых. Зря я, что ли, пупок надрывал, таская их в трюм?

Размеры комнаты позволяли – все те же четыре на восемь метров, что, с учетом толщины стен, позволяли определить общую площадь этого этажа.

– Примерно десять на двенадцать, – подсчитал Олег, – это сто двадцать квадратов на этаже. И еще два, наверное – снизу и сверху. А неплохая квартирка получилась! Главное, недалеко от работы – никакие пробки не страшны.

Вообще-то в прежней, земной жизни Олег Громов не знал, что такое пробки – разве что по телевизору их видел. Городок их обилием транспортных средств не поражал, да и жил он в своей однушке совсем рядом с офисом концерна «Агроком», работа в котором закончилась так неожиданно. Но порадоваться то сейчас можно было?

– Куда теперь?

Первой со своего диванчика поднялась Маша.

– Вниз, – решил Олег, – а еще надо другие двери поискать. Ну, не верю я. Что сюда только одна ведет. Должны быть и такие, которые открываются прямо на улицу.

– Пойдем, поищем, – согласилась с ним Помощница.

На первом этаже тоже обнаружили три двери. И все они открылись, поочередно, шелкая замками, словно радуясь новым хозяевам. Слева обнаружилась кухня-столовая. Причем, очень функциональная – не только с синтезатором, точно таким же, как и в общей столовой; там таких было два – но даже с настоящей кухней. Где готовить можно было натуральные блюда, собственными руками.

– Ага, – потер свои Олег, – вот и пригодится база «Повар». В каком она там ранге?

Маша поморщилась – явно жалела сейчас о частичной утрате своих знаний и навыков. Ну, а Олег быстро пробежался по меню нейросети – той его странице, что отвечала за контроль развертывания баз знаний. Увы – их более высокий уровень усваивался гораздо медленней. По сравнению с последним, вчерашним контролем этой страницы, изменилась разве что одна строка – база «Инженер» была полностью изучена в пятом уровне, и сейчас мозг, незаметно для хозяина, усваивал этот же уровень «Программирования».

– А я, кстати, никаких изменений вот тут, – Олег тяжело вздохнул и постучал по собственному лбу, – что-то не замечаю.

– Не замечает он, – фыркнула обвиняюще Помощница, – а кто с дроидом-взломщиком на раз справился? Думаешь, он первому встречному подчинился бы? Так что работать, и еще раз работать. Нет работы – ищи ее!

Вообще-то она, наверное, и сама сознавала неоправданность, и даже абсурдность своих обвинений. Громов ни минутки не выделял для отдыха. Разве то для сна, да еды – последнее было святое; да и нужное, для той же учебы. Потому что усиленная мозговая деятельность

требовала таких же усиленных норм питания. А еще магическая, физическая, да еще и нервная прибавилась – с детьми!

– Ага, – тут же сменила тон своих слов Маша, – смотри – это холодильник. Да еще не абы какой, а с эффектом стазис-поля. Слышал про такое?

– Не только слышал, – усмехнулся парень, – у самого такой был – переносной. Помнишь Амбара?

Он невольно похлопал рукой по сумкам – поочередно по Бигу и Бену. Этот вот эффект – сохранность помещенных в них предметов, был пока не изучен. А пока он подошел к Маше, заглянул в этот артефактный холодильник. Вообще-то это был целый шкаф, на всю стену, отнявший от общего объема кухни не меньше шестнадцати кубометров – это Громов умножил ширину и высоту комнаты на метр внутреннего пространства холодильника. Продукты там присутствовали, но отнюдь не в изобилии.

– Так что пару туш можно будет сюда притащить, – Олег открыл, и тут же закрыл морозильное отделение, – хотя я не понимаю – зачем морозильник для стазис-камеры?

– Такая только вон там, – показала Маша на левую половину шкафа, а здесь все по старинке, для ценителей натурального.

– Ага – чтобы все общими запахами пропахло!

Это Громов вспомнил собственный холодильник – там, на Земле. Подумал отчего-то, что он, быть может, отключился, и потек сейчас всеми соками.

– Если только квартиру вместе со всем имуществом не продали за эти дни – на возмещение ущерба концерну.

Впрочем, эта мысль родилась, и тут же умерла, не потревожив сознания. Возвращаться в родной мир Олег пока не собирался – если бы даже знал дорогу туда. Не ждал его там никто, кроме тех неизвестных, по милости которых он и попал в этот мир. Да и интересней тут было.

– Пойдем дальше, – позвал он за собой Помощницу, оценив все остальные атрибуты кухни пока лишь взглядом.

Соседняя комната оказалась ванной. И чем-то она напомнила Олегу тот шикарный артефакт бытового назначения, который так порадовал его в апартаментах Гурана ал Марна. Бассейн там был глубокий настолько, что Громов едва доставал его. Тут же... Он представил себе тушу бота в разрезе; определил свое место в нем. Выходило, что как раз под ногами располагалось пространство округлого днища корабля. Сколько уж там было метров – конечно, не десять, как в порталных апартаментах. Бот весь был двадцатиметровой толщины, вместе с наружной броней. Но поплавать в бассейне, у низкого бортика которого он сейчас стоял вместе с Машей, явно было возможно.

– Попробуем? – подмигнул он помощнице, отчего-то смутившейся.

– Вот еще!

– Ну, как знаешь...

Сам Олег решил вернуться сюда, как только Маше надоест рассматривать апартаменты. В следующую комнату она лишь заглянула. А Олег разлегся, попробовал на мягкость широкое ложе – прямо в комбинезоне.

– Свинство, конечно, – подумал он, – но очень хочется посмотреть на реакцию Машеньки. Ну, а грязь... дроиды уборщики тут точно должны быть!

Помощница, остановившаяся в проеме двери, ведущей в спальню, действительно открыла рот, но не исторгла из него ни звука. Потому, наверное, что лицо Громова, только что расслабленное, и веселое, вдруг напряглось. И он поманил ее рукой.

– С таким лицом в постель не приглашают, – было написано на мордашке Маши, которое Олег пока с трудом воспринимал, как родное, кровное.

А он и не предлагал ничего такого (пока!); и сам соскочил с ложа, чтобы застыть у стены – той, что очевидно примыкала к наружной броне. Теперь и Маша могла увидеть едва различ-

мые линии – этот контур повторял размерами очертания двери в соседнем отсеке. Олегу ли было не знать этого – ведь недавно он накладывал на тот проем щит!

– Не совсем понятно, конечно, почему наружную дверь прорубили в спальне? – с недоумением заявила Маша.

– А чтобы времени не терять при экстренной эвакуации, – хохотнул Громов, – проснулся, запрыгнул в штаны, и ходу! Ладно, будем думать, как ее открыть. Пока не актуально. Поехали на третий этаж.

И они поехали; и порадовались. Потому что все пространство там – общей площадью в сто двадцать квадратных метров – занимала зона релаксации.

– Настоящие джунгли, – восхищенно воскликнул Олег, не решившись сразу ступить с лифтовой площадки в заросли, которые жили своей, специфичной жизнью.

Здесь, кроме самих растений, растущих как бы не гуще, чем даже в Злом Лесу, летали бабочки; пели на ветвях птицы, И даже какие-то животные мелькали тенями... где-то далеко, на краю сознания. И вообще – цифру «сто двадцать» Громов вытянул из головы, от прежних своих расчетов. Зрительно же джунгли здесь не имели конца – казалось, можно идти, и идти, уворачиваясь от лиан, пока тебя не остановит холодная вода какой-нибудь речки, которая тоже журчала где-то далеко впереди.

Маша все же шагнула вперед; сорвала цветок, который чем-то глянулся ей, и улыбнулась, понюхав его:

– Настоящий! – она повернулась к Олегу, и заявила, не стирая с лица этой улыбки, – я не удивлюсь, если все тут можно поменять – по своему вкусу.

– Ага, – продолжил с энтузиазмом Олег, – можно представить себе берег теплого моря, с настоящими волнами. Или, к примеру, горный склон. Зимний, с лыжной трассой. Только вот далеко здесь не уедешь. А так ничего, прикольно. Так что переселяйся, приглашаю. Обещаю – приставать не буду... я...

И Маша теперь не ответила решительным отказом, как прежде:

– Не сейчас... не могу пока. Да и девочек оставлять не хочу... хотя бы в эту, первую их ночь на свободе.

Олег кивнул, нажимая на нужную полосу на стене – этот участок был единственным, свободным от зарослей. А Маша на мгновение прильнула к нему, а потом так же быстро отпрянула – уже на втором этаже. И помчалась к двери, ведущей в соседний отсек. Ну, а Олег направился опять в ванную комнату.

– Не только для релаксации, – сообщил он теперь только себе, – но и поработать. Как? А вот посмотрите.

Никто увидеть, естественно, не мог. Но Олегу зрители не были нужны; просто он привык каждое свое действие озвучивать – в недавней своей жизни, с Малым Помощником внутри. Естественно, когда слова и даже мысли успевали за этими действиями.

Сейчас он достал новый костюм – тот, что подобрал на безжизненной почве, заваленной артефактами. Состоял этот артефакт, с пока еще не выясненными функциями, из нескольких частей. К одной из них – поясу с целой гирляндой других артефактных предметов – он уже практически привык, несмотря на внушительный вес, который оттягивал сбрую книзу. А к нему, как оказалось, прилагались: плащ, в который он и завернул всю одежду; куртка со штанами, шляпа с загнутыми полями, увидев которую, Громов вспомнил заставку на своем компьютере, дома. Он хз раньше менял часто, каждые две недели, не реже. Вот в один из таких периодов его «радовала» картинка, на которой был изображен президент Российской Федерации – мускулистый, обнаженный по пояс, и верхом на медведе. А еще – в шляпе; точно такой, какую сейчас держал в руках сам Громов.

– А это что такое? Колготки? Да меня же засмеют – та же Маша хохотать будет до упаду, когда увидит меня в них! И эта блузка... тоже маломерка. Как я ее натягивать на себя буду? Еще и рубашка с кружевами?!

Эффект неожиданности прошел, и остался холодный разум мага. Который вспомнил, как именно надо обращаться с артефактными вещами.

– Сначала привязка, – проговорил он вслух.

Нагнулся к поясу, вынул кинжал, и ткнул острием себе в палец – в то самое место, откуда медсестры в поликлиниках берут кровь. И капнул ее, с трудом выдавив несколько крохотных капелек, на все предметы одежды, что разложил аккуратно на бортике бассейна.

– Вот теперь...

Он не скомандовал в голос – просто представил, что на нем уже надеты вот эти... «колготки», и тут же оказался в них. И не почувствовал, чтобы где-нибудь (особенно в самых значимых местах, как-то связанных, согласно пословице, с базой знаний «Танцы») жало, или натирало. Так же, поочередно, он накинул все; самой последней шляпу. И пожалел, что рядом нет зеркала. Ну, или Помощницы – чтобы та оценила его бравый вид.

В целом костюм представлял собой ковбойский наряд – в его элегантно, и в то же время, очень функциональном варианте. Это внешне. А сколько функций еще таилось внутри, в магической его составляющей?!

– Не так много, – вынужден был признать совсем скоро, – к сожалению. С Амбаром он даже рядом не стоял. Разве что в плане защиты... но это еще нужно проверить.

Последний вывод он сделал, зафиксировав то количество внутренней магической энергии, которую оттянул на себя новый костюм. Потреблял он явно больше, чем прежде Амбар; даже в самой высоком, максимально уровне защиты.

– Но это ни о чем не говорит, – продолжил довольно скептически оценивать функционал костюма Олег, – может, тут КПД низкий? А так – что еще? Карманы не бездонные... да тут их вообще нет! Ну, ладно, хоть сумки не забыли положить.

Вот так, ворча, он разделся – тоже практически мгновенно. И разные части одежды «разлеглись» именно там, куда и указал Громов. Так что зачатки магического интеллекта у этого артефакта были; Олег не стал отрицать. Как и того факта, что не хочется ему обрядиться в обновки грязным – невымытым и нечесаным. Это он так уговаривал себя выделить немного времени на релаксацию.

– А почему нет? – решительно заявил он, – тем более, что теорию и практику по магии можно проводить прямо в бассейне. Заодно и «Распараллеливание» с «Многозадачностью» потренирую

Сказано – сделано! Бассейн действительно оказался таким, что ноги доставали дна только тогда, когда парень окунался в воду с «ручками». А он еще и с температурой воды поэкспериментировал. Едва не вмерз в лед, когда вытянул из нее слишком много энергии. В общем – зарядился энергией по самую макушку. Хотя, казалось бы, сам ее и расходовал.

Теперь костюм сел как родной. Даже вес ремня с артефактами на нем не ощущался.

– Кстати! – вспомнил Олег, – про артефакты! Как я мог забыть?!

«Забыть» – это про две фляжки, точнее, их содержимое, которое Громов не успел оценить. Он снял с крепления левую, отнял от горлышка крышку (просто снял – никакого винта в ней не было) и поднес к губам. Яда не опасался – проник магическим щупом, который сейчас был и анализатором, в открытое отверстие. Раньше, в закрытом состоянии, он даже вот таким способом не мог определить, что там «положили», или, точнее, налили прежние хозяева.

– Вода, – определил он на вкус, а чуть раньше тем самым магическим щупом, – обычная вода. Нет! Не обычная – холодная в меру, чистая, и удивительно вкусная. Прямо родниковая.

Справедливости ради надо отметить, что настоящих родников – лесных, или горных; природных, а не созданных искусственно, он никогда не видел. И ладошками воду из них

не черпал. Но почему-то сейчас дал напитку именно такое определение. Он сделал несколько глотков, даже зажмурившись от наслаждения, и еще одним выводом стало:

– Определенно какое-то плетение в ней есть. Может, даже природное. Ну, или фляга такая вот заговоренная. Интересно, сколько воды в ней может поместиться? Надо проверить. Сколько я отпил сейчас? Граммов сто пятьдесят. Вот и начнем отсчет.

Громов ожидал, что во второй фляге окажется вино, сравнимое с лучшими, какие он пробовал в этом мире. Ошибся, но не столь кардинально. В емкости действительно оказался алкоголь – но в виде какой-то настойки, крепостью никак не ниже пятидесяти градусов. Как он это определил? Да просто вспомнил вкусовые ощущения, приятную (а для кого и не очень приятную) горечь качественной водки, которую дома покупал в специализированно магазинчике, хозяин которой гарантировал качество продукта. Так вот – настойка была крепче той «Столичной» где-то на четверть, по ощущениям. А еще она ощутимо фонила магией. Сноп излучений такого рода буквально вырвался из открытого горлышка этой фляжки. А жидкий огонь, что стек по живому горлу прямо в желудок, разбился, кажется, на тысячи ручейков, тут же растворившихся в энергетических каналах тела. Вот тут над флягой, и ее содержимым действительно поработал маг великой силы. Сам Олег даже не мог представить, сколько нового в Искусстве нужно будет ему узнать, чтобы суметь создать даже слабое подобие такого вот артефакта. Закрыв и эту фляжку, к горлу которой крышка буквально прилипла – как качественный магнетик к стенке холодильника – он замер, вспоминая что-то несущественное, но очень нужное именно сейчас.

Вспомнил – в спальне видел ростовое зеркало.

– Ну, красавец! – заявил он совсем скоро, покрутившись перед зеркалом, как какая-то модель, – все девки будут мои. Чем теперь займемся?

Этот день, такой богатый на события, никак не кончался. И до окончания работы взломщика оставалось больше двух часов. Но спать – даже с учетом того, что практически всю предыдущую ночь он бодрствовал – не хотелось.

– Значит, порадуем себя еще раз, – решил он, – на этот раз разбором трофеев. Ну, и с новым тревожным чемоданом определимся. Точнее, с двумя «чемоданчиками».

Он погладил Бига и Бена ладонью, и один из них, правый, словно откликнулся на эту ласку. На самом деле, конечно, это была мысленная команда Громова, представившего себе первый из артефактов, что тщательно отбирал в отдельную сумку. А представил он себе замершую в танце (и камне, конечно), обнаженную девушку, в которой прежде разглядел искорку магической энергии. Искра эта была мизерной, но уж больно хороша была красавица, вырезанная в камне неизвестным гением.

Статуэтка упала на кровать, потому что Олег не сумел удержать ее в руке. Не потому, что была она неподъемна весом, или сразила парня еще раз, теперь уже наповал, своей неземной красотой. Нет – просто в руке Олег обнаружил не фигурку девушки, а уменьшенную многократно копию того самого идола, что слал недавно проклятья темному небу. Вместе со жгутами черной силы, которых Громов сквозь песчаные потоки урагана тогда насчитал ровно полдюжины – по числу рук неизвестного божества, застывшего своей тяжестью посреди стихии.

– Ну, дела..., – протянул он непослушными губами.

Таковыми же непослушными стали и ноги – так что парень рухнул на колени перед ложем, а заодно и перед статуей, утвердившейся теперь на мягком покрытии постели. И показалось, что затылок Громова обхватили все шесть рук этого крошечного идола, и голову стиснуло с такой силой, что парень отключился. Провалился в забытие, в котором тяжким сном привиделось это самое божество – в пылающем храме, который попирали своими сапогами эльфы, или аграфы; так их называли в Содружестве. Они буквально ступали по трупам каких-то некрупных разумных с темными, искаженными от боли и ужаса лицами. Как понял отголоском сознания Олег, это были адепты божества, и все они полегли, защищая свою веру и ее символ.

– Или не все? – Громов сумел выдать из себя вопрос другим потоком уплывающего сознания.

Потому что пережил другую часть своего сна. Там были дети – той самой расы, взрослые представители которой не пережили нашествия остроухих. И здесь были аграфы – но уже в белых, не боевых комбинезонах; не замаранных кровью жертв. Точнее, кровь была – она истекала из тел детишек по прозрачным трубочкам в какие-то емкости, не видных во сне. А на равнодушных лицах аграфов проблескивали искры радости, и какого-то предвкушения. И вызывали эти искры как раз трубочки с детской кровью...

– Олег! Олег!!!

Громов с трудом выплывал из сна. А вытащила его – буквально руками, которыми теребила тело парня, и паникой в словах – конечно же, Маша. Впрочем, паника тут же уступила место необъяснимой злости:

– Это такими делами ты тут занимаешься?

Помощница отступила на шаг, и остановилась, гордо вздернув к потолку подбородок, и уперев кулачки в бока. Олег невольно залюбовался девушкой. А потом медленно перевел взгляд на свои руки – в них была зажата женская статуэтка, сейчас удивительно схожая фигурой с новым Машиным телом. Олег усмехнулся – со стороны, наверное, можно было понять, что он буквально приник губами к этой каменной красавице. Хотя чего тут было ревновать? – именно так он воспринял короткую истерику Помощницы.

– Я – там, – несколько сумбурно выкрикнула Маша, – а ты – здесь!!!

– Ну, здесь, – недовольно ответил Олег, – и что такого? Задумался на минутку.

– Минутку? – еще истеричней заявила Маша, – да прошло уже два часа! Дроид уже давно отвалился от двери, и я тебя больше десяти минут тут трясу. Да что с тобой произошло? Почему ты так вцепился в эту девку?!

– Два часа?!

Олег попытался разжать ладони, и вскочить на ноги. Увы – ни руки, ни ноги ему не подчинились. В них словно залили что-то тяжелое, и очень тягучее. И голова ныла, как после хорошего урока магии. Громов пока не сильно тревожился:

– Подумаешь – отлежал, точнее, отсидел, ну, или как-то по-другому... в-общем, сейчас кровь разбежится по венам, и все будет о, кей!

Тут он вспомнил про другую кровь – в порушенном храме, и в прозрачных трубках, и ему стало дурно. А лучшим лекарством от дурноты, и всех других болезней он теперь считал магию. Потому без рук, одним лишь движением мысли сформировал малое целебное плетение, и напитал его энергией. И направил его в собственную голову. И только потом удивился – как это у него получилось?! В голове, тем временем, прояснилось, но конечности по-прежнему отказывались подчиняться ему. Скорее машинально, чем осознанно, он открыл меню нейросети. И едва не захлопнул его – так поразили высветившиеся перед глазами цифры!

Они свидетельствовали о том, что импланты в голове – не все, а часть из них – проросли, раскрыли все свои возможности полностью. А какие-то и превысили максимум!

Олег так же машинально начал считать, и перечислять; громко, вслух:

– Оба импланта на память – по двести процентов каждый; слияние с распараллеливанием сознания – по сто процентов каждый, как и скорость реакции, и фабрика нанитов. Ну, а с ментальностью и раньше все было хорошо. Как это могло получиться?

Маша что-то говорила, явно возбужденная, а больше испуганная. А в голове набатом била единственная цифра – точнее число имплантов, которые развернулись за такие короткие два часа.

– Шесть! – пульсировало в висках, – ровно шесть! Как и рук у того божества! Может, это был не сон? Не сны? И это ты, незнакомый бог, сделал мне такой подарок? А чем мне отдариваться? Что я должен сделать взамен?!

Неизвестный божок – если он действительно существовал – молчал. И тогда Олег сам произнес; по сути, клятву:

– Обещаю, что постараюсь отомстить твоим обидчикам – если найду их. Я ведь не знаю даже, из какого мира ты попал сюда?! Ну, и эльфам, или аграфам буду воздавать – по заслугам их!

Выкрикнул, и успокоился. А вместе со спокойствием пришла и легкость в руках и ногах. Он вскочил с колен, и от радости – что вернул себе способность двигаться, подхватил на руки Машу, и закружил ее по комнате. Еще раз отметив, кстати, что нужно принести сюда ковер.

– Чтобы падать было мягко, – едва не заржал он в полный голос, – вместе с красивой девушкой на руках.

– Олег!

Радость, не совсем естественная, вызванная бурным впрыском каких-то гормонов, прошла в один миг. Он поставил Помощницу на ноги, и рассказал ей обо всем, ничего не утаивая.

– Ну? – спросил он в конце своего повествования, – что ты об этом сне думаешь? И что ты слышала о том идоле, на который рухнул космический корабль?

– Я видела этого шестирукого идола – раньше, когда мы там прибирали все, – медленно ответила Маша, – но ничего он мне не напомнил. Не видела ничего подобного раньше. А насчет сна... проверь-ка еще раз сеть.

Олег проверил – не только страницу меню. Он еще и внутри головы проверку провел; ползая там магическим щупом в нужных точках. И отметил, как уплотнились, и буквально налились энергией шесть зон в мозгу, которые недавно были едва обозначены припухлостями.

– Значит, это действительно подарок, – прошептал он громко, – не пришлось бы только о нем пожалеть... ну, ладно (тряхнул он головой) – говоришь, еще одна дверь открылась? Что там внутри?

– Без тебя не стала открывать.

– Ну, пойдем вместе откроем.

Они открыли, и изумились – сначала толщине двери, которая поддалась на удивление легко. В этой створке, которая изнутри была вогнутой, было не меньше метра брони. А за ней была еще одна дверь – уже открытая, словно приглашающая их обоих внутрь очередного помещения. Но разместиться там, в крохотном шаре, вдвоем было затруднительно. Олег, конечно, был не прочь потискать мягкое девичье тело. Но не в таких же условиях – в кресле, которое присутствовало внутри шара в гордом одиночестве. Да и Маша вряд ли позволила бы лапать себя в такой вот напряженной обстановке. Она лишь заглянула внутрь, и тут же отошла, предоставив парню самому разбираться. А тот не пошел; оставил такое вот сомнительное удовольствие на потом.

Так он заявил Маше, хотя душа и тело буквально молили опуститься в это кресло, и активировать его работу, неизвестным пока способом. Но почему-то пришло знание, что делать это нужно в одиночестве, чуть ли не в интимной атмосфере. И он с внешне равнодушным лицом захлопнул (неплотно) тяжелую дверцу, и повернулся к Маше со словами:

– А не пойти ли нам поужинать? Что-то я проголодался.

Он действительно хотел поплотнее заполнить топку, какой часто представлял свой желудок – предчувствовал, что очередной «сон» займет гораздо больше времени, чем два часа.

А чтобы отвлечь немного внимание помощницы, выпалил ей прямо в лицо:

– Орнелла Мути!

– Какая Орнелла? Какая Мути?! – даже отшатнулась в испуге Маша.

– Орнелла, – повторил еще раз Олег, – актриса такая была, итальянская. Видел как-то старый фильм с ней в главной роли. «Укрощение строптивого» называется. Красота женская в ней там была – словами не описать.

– Ну, и что? – с подозрением заявила Маша.

– А то, что ты сейчас похожа на эту актрису, как две капли воды! Точнее – это она на тебя похожа! Вот.

Маша ничего не ответила; повернулась и пошла впереди Громова. Но тому хорошо было видно, как предательски заалели ушки девушки – она явно мечтательно улыбалась...

В кокон, как обозвал шарообразное помещение Олег, он полез, когда на жилом этаже общей секции уже все затихло. Маша, как ушла в свою комнату вместе с юными сплотками (если правильно их было так называть), так и не появилась.

– Даже чтобы пожелать мне спокойной ночи не выглянула, – улыбнулся Олег, глянув на дверь, которая сейчас была затянута какой-то непрозрачной пеленой.

Это сам Громов так постарался, вместо очередной тренировки своих магических возможностей. А точнее, это уже была самая настоящая работа – он создал для каждой двери такие вот амулеты, и привязал их к постояльцам. Пришлось помучиться; даже немного своего привнести в плетения, но все получилось. И еще одно плетение уже было наготове – его Громов набросил на другую дверь – ту, что вела уже в его личные покои; чтобы никто не смог помешать ему в новом исследовании. О том, что может понадобиться помощь – вот как от Маши, недавно – он запретил себе думать. И теперь Громов, зябко передернув плечами, втиснулся в такой тесный центр – именно отсюда, как решил Олег, капитан корабля и должен был управлять ботом. А если таким капитаном Фаркад Албам назначил самого себя, то...

Олег невольно пожалел этого разумного, хотя тому никакой жалости уже не было нужно. Но не отметить, что пространство внутри шара действительно очень мало, Громов не мог. Однако в кресле было вполне удобно. И сфера потолка над головой не давила на сознание. Только другое заботило – ничего не происходило. Все долгие минуты, что медленно текли в этом ограниченном пространстве после того, как он захлопнул броневую дверку. Громов даже старался не думать ни о чем постороннем – ни одним потоком сознания, которых у него теперь было сразу шесть. Другой вопрос, что работать с ними он пока не мог. Точнее, мог, но за результат такой работы не поручился бы.

Он уже готов был вырвать свое тело из тесного кокона, и сжал в раздражении подлокотники кресла. И получил первый результат! Из этих массивных, а сверху достаточно мягких для рук прямоугольников беззвучно выкатились ящики, заполненные какими-то кристаллами.

– Не какими-то, а вполне узнаваемыми, – сказал себе Олег, – в таких вот базы знаний закачивают. Интересно – какие базы здесь для меня приготовили? Ну, или бывший Хозяин развалин для себя? Так они ему больше не нужны.

Он говорил – вслух, громко, зная, что никто его не слушает – и разглядывал содержимое этих двух пеналов, разделенное перегородками на три неравные части. В левом, ближе к оператору, или капитану бота, лежали всего два кристалла, отделенные тонко перегородкой от другой кучки, в которой было десятка полтора, не больше. И вот в последних Громов явственно разглядел магическую составляющую. Ну, а правый пенал был забит кристаллами почти под завязку.

– Ну, – мысленно потер он ладонями, – теперь только знай, загружай – память-то у меня теперь о-го-го! Или!... Или идол тот предвидел такой вот сценарий событий?! Ай, да дедушка! Ай, да су... Впрочем, это лишнее. А какой все же выбрать из двух?

Да – он решил сначала посмотреть, что содержали в себе ближние два кристалла – не даром же их поместили в отдельный отсек. Закрыв глаза, и выбрал наугад. А считыватель с искином уже были на запястье. Впрочем, искусственный интеллект, втиснутый в браслет, был тут лишним. Олег направил поток знаний, хранившийся в кристалле, напрямую в нейросеть, а точнее, в один из имплантов, отвечающих за расширение памяти. И едва не захлебнулся в этом потоке, не сразу определив, что фактически проживает жизнь Первого, крестьянского паренька Ивана, сына Степанова. Только с точностью наоборот – начиная от того момента, когда уже знакомый круг колдунов, возглавляемый магом Смерти Байрамом Багом,

буквально втиснул разум трехсотлетнего мозга в обшивку бота. Да именно за защиту этого необычного кораблика, а еще за систему жизнедеятельности отвечал этот супермозг, выращенный из головы русского паренька, выдернутого из начала восемнадцатого века.

Конечно, никаких имплантов не хватило бы, если бы в кристалле располагались все подробности жизни Ивана. Его эмоции, размышления и сомнения. А еще боль, невозможность поступить так, как советовала совесть. Нет, в базе была сухая выжимка – только факты, имена, даты. Но и сквозь них Ваня Степанов смог пронести какие-то обрывки эмоций. Прежде всего, это касалось детей. Олег узнал, протащил через свое сердце всех, кто вырос, можно сказать, на глазах Ивана. Особо царапали, и заставляли сильнее сжаться комок мышц в груди знакомые имена и лица. И причину того, почему остальные дети с такой злой радостью восприняли гибель юного орка, он теперь понял, и принял. Насильник – страшный и неотвратимый; смелый в своей безнаказанности, и явно поощряемый Хозяином. Олег скрипнул зубами, когда в числе его жертв увидел Дорию, пообещав забыть об этом, не проговориться при Артане. А потом и другое лицо, которое обозвал не Неттой, и не Машей, а каким-то совсем не интересным ему именем, которое постарался тут же забыть – чтобы не выпасть в ярости из учебного транса.

В какие-то минуты он вместе с Иваном прогнал весь шестидесятилетний процесс создания уникального кораблика. Степанов не был инженером, или конструктором. Но он был гениальным математиком и алхимиком, и потому через него прошли все расчеты чертежей и материалов. Олег же сейчас получал лишь конечный результат. И так вот, как в сжатой ЗИП-папке проносились перед ним годы. Он вспомнил о своем обещании передать «привет» – когда переживал вместе с юным ученым продажу монаху ватиканского монастыря, а потом еще раз, разглядывая лицо матери подростка – вместе с Ваней, в последний раз.

А потом кристалл просто рассыпался в его ладони – так много в нем, очевидно, было информации, и сухих страстей. А может, это Олег сам, непроизвольно, произвел магическое действие.

Он полежал немного в кресле – такой режим тоже был предусмотрен для артефакта. А потом медленно потянул к считывателю другой кристалл. Громов уже знал, чью жизнь будет теперь проживать – словно раскручивая спираль времени в обратном порядке. Здесь, вместе с Галамедом ал Буркаем, его душа практически не ныла, а сердце не обливалось кровью. Потому что Олегу было понятно – этот высокородный ученый из погибшей цивилизации Самах сам определил свою судьбу – когда выбрал профессию биотехнолога.

– А ему бы сразу в инженеры-конструкторы пойти, – подумал в какой-то момент Громов, – глядишь, тогда бы... нет – тогда он просто сдох бы от вируса в день «Икс», как все его «подельники».

Впрочем, в воспоминаниях ал Буркая тоже прорывались эмоции. Он тоже страдал – от того, что Хозяин требовал невозможного, совсем неправильного, как он сам считал, использования его таланта. Дело было в кораблике, этом вот боте. Галамеда, инженера от бога, заставляли воплощать в этом проекте массу дурацких, совсем нереальных, порой взаимоисключающих, прожектов. И ал Буркай поначалу пытался доказать свою правоту, показать красоту правильного инженерного решения. Но все разбивалось о хозяйское: «Я так хочу!».

В общем, к концу этого повествования – юные годы Галамеда Олегу были не так интересны – Громов нарисовал перед собой подробную картинку этого кораблика. Вообще-то в кристалле присутствовали и чертежи – во всех ракурсах и проекциях, но для парня наглядней и понятней была именно картинка, намалеванная собственноручно.

Начал он с внешней части бота, с его «шкуры». Псевдоживого организма – самовосстанавливающегося; несущего, кроме защитных функций, которые она осуществляла посредством эмиттеров, созданных гением Ивана, еще и маскировочные, и наблюдающие за окрестностями с помощью таких же псевдоживых рецепторов, и даже в какой-то мере атакующие.

Именно эта живая броня сформировала щит, который прижимал его, Олега Громова, к камням перед дворцом Албама.

Толщина этого слоя была в половину метра, и вся эта махина была подвижной – крутилась по воле разумного мозга, или в автоматическом режиме, на тысячах роликов, которые, к тому же, являлись снарядами для двух тоннельных пушек. Да – злая воля Фаркада Албама заставила втиснуть в крошечный кораблик грозное оружие, которое в Содружестве смогли разместить лишь на линкорах и крупных крейсерах. Ну, так они были в сотни, и даже тысячи раз крупнее бота!

Здесь же это были те самые цилиндры, один из которых Олег видел в носовом отсеке судна; длиной по двадцать пять метров, и толщиной в целый метр, внутри которого было просверлены (или отлиты) отверстия калибром в двадцать сантиметров. Вот такого диаметра снаряды, длиной в метр, и служили роликами гигантского «подшипника», сердечником которого получились еще полметра внутренней брони, уже не живой, и все пространство бота – включая и новую «квартиру» Олега Громова.

Зачем нужно было это извращение? Инженерный выкидыш, как обозвал этот феномен Олег Громов?

– «Я так хочу!», – сказал Фаркад Албам, и все заткнулись, и исполнили его волю.

Но Олег все же попытался понять его логику. Только одно приходило на ум – старое правило на войне: «Снаряд в одну воронку не попадает дважды!». Здесь же, на боте, «воронки» постоянно перемещались, и вероятность такого попадания была еще меньше.

– Дальше, – продолжил Олег уже спокойней, – ну, вот зачем нужно было совмещать двигательные сопла с оружейными стволами, и все это размещать в толще «живой брони»? Это какой же сложности расчетов нужно было предполагать, чтобы обеспечить плавный полет, нужную амплитуду поворотов, и отсутствие отдачи – когда труба, из которой только что вырывались раскаленные газы, толкавшие кораблик в нужном направлении, становилась оружием, и из нее в сторону врага тянулся мощный луч плазмы? А движение при этом не должно было остановиться? И таких труб в боте было две дюжины – по двенадцать направленных в противоположные стороны. Эти двадцать четыре выхлопа обеспечивали и подвижность судна, путем разнонаправленной работы. Точнее, направлены они были, по расположению труб – на равном расстоянии по внешней окружности, но благодаря ассинхронизации и разной силе этих выхлопов этот кораблик мог развернуться в воздухе практически на месте – в любой проекции. И что при этом будет с пассажирами?...

Олег тут вспомнил столы и стулья, прикрученные к полу в столовой. А кто прикрутил бы живых разумных?

Может, это были вопросы профана, Громова, совсем не разбирающегося в инженерном деле и конструкторстве? Нет – он только повторял свои вопросы вслед за головастиком Галамедом. И получал за ним же вслед ответ Хозяина развалин:

– Я так хочу! Тем более, что в этом коконе, благодаря системе выравнивания, никакого крена не будет!

Это уже Олег договорил за Албама.

Восхитила и порадовала система электроснабжения – тут использовались питательные элементы Древних – те самые черные коробочки, которых Хозяин за три сотни лет владычества в развалинах накопил немало. Сейчас же обеспечивали работу корабля сразу восемь таких элементов, своим черным цветом свидетельствовавших – они практически полностью заряжены. Шесть элементов были разделены между главными его системами, и два оставались резервными. Когда даже один такой элемент питания мог обеспечить энергией супердредноут в течение целого месяца напряженной работы. Это не Олег – это Галамед сказал своему Хозяину, указывая на ничем не оправданную громадную избыточность такого решения. И получил ожидаемое:

– Я так хочу!

Кстати, удивительным был и сам факт использования этих коробочек. Как было известно Громову – от того же головастика – артефакты, которые позволяли снимать с них гигантское количество энергии, изготавливались лишь в одном месте; империи Галанте, то есть, родном мире аграфов. Как этот секрет расшифровал Албам? Тут, по воспоминаниям ал Буркая, опять выплыла зловещая фигура мага Смерти. Олег сделал стойку – ведь он был единственным наследником имущества этого колдуна. И многое из этого имущества пока даже не разглядел, не потрогал руками.

– Разве что случайно, когда собирал все в комбезы. Ну, ничего, посмотрим...

Наконец, и эта жизнь закончилась. Точнее – началась – в родительском доме ал Буркая. А Олег помедлил, прежде чем взять в руки еще один кристалл.

– Нет, пожалуй, хватит на сегодня, – с этими словами он откинулся на спинку кресла, и продолжил, опять обращаясь к самому себе, – давай-ка сменим сферу деятельности. Проверим, все ли правильно мне объяснили Иван Степанов с Галамедом? Не ошиблись ли в чертежах?

И он потянулся сознанием кверху, и к низу, и по сторонам – ведь его повсюду, в считанных метрах, окружала живая броня. И момент слияния действительно настал. Огромная «шкура», почувствовав чужое сознание внутри себя, тут же принялась жаловаться на раны, на отсутствие необходимых элементов для их излечения. А потом показала оставшимися в целости рецепторами картинку снаружи бота – и Лес с развалинами вдали, и огромный диск космического корабля, завалившегося набок совсем неподалеку, и звездное небо над головой Громова. Не было кресла, и даже самого бота. Была бесконечная вселенная, которая ждала юного мага.

– Жди, – прошептал он невольно, – я скоро приду...

Глава 4. Гамадриэль – аграф, наследник клана

В этот вояж Гамадриэль отправлялся без всякой охоты. Он и дома, в дворцовом комплексе клана «Серебряные Крылья», чувствовал себя очень неплохо. Да что там говорить – прекрасно он тут жил. Не обременял себя заботами, оставив их отцу, главе клана Амтануэлю.

Но вот в эту поездку к заштатной планетке отец отправиться никак не мог. Занят был очень сильно здесь, на столичной планете империи. И поручить дело чужому, аграфу со стороны, или какому другому разумному, не посмел. Так и сказал Гамадриэлю: «Не смею», – чем изрядно удивил сына. Тот, кстати, не был полным профаном. В смысле, ума хватило, даже чтобы освоить достаточно серьезную нейросеть, с восемью имплантами к ней. Которыми он, кстати, почти не пользовался. Главными «достоинствами» наследника клана были исключительная лень в отношении хоть какой-нибудь работы, и настойчивость, с какой он волочился за очередной юбкой.

Вот и сейчас в корабле, носящем гордое имя «Звездный свет», вместе с Гамадриэлем, четырьмя охранниками-оркусами, соплеменники которых составляли цвет гвардии клана, и опасного даже на вид старика Онтена, существа непонятной расы, сильного псиона, и данника главы клана «Серебряные Крылья», находились две девицы. Томные и тонкие во всех отношениях хакданки. Рабыни Гамадриэля. Назывались они, конечно, по другому – ведь в империи Галантэ никогда не было, и не будет рабства. Просто родители девушек от их имени заключили пожизненный контракт, и исчезли с глаз, и самой жизни наследника, и двух его новых игрушек.

– Может, это были не настоящие папа с мамой?

Гамадриэль себе такого вопроса не задавал. Как и другого – почему в небольшом по численности составе экспедиции не было больше ни одного аграфа? Мелькнула мысль, что на это были особые резоны у отца, и тут же пропала. Он вообще редко когда озадачивался вопросами, не относящимися к его главному занятию – развлечениям. Пил, ел, гулял. Но оставался стройным и даже достаточно приветливым к окружению; хотя и несколько заносчивым на вид – ну, так это все в крови каждого аграфа было записано.

Так что и путешествие это прошло не так уж скучно. Да и длилось оно всего пять дней – столько времени понадобилось малому крейсеру двенадцатого поколения, чтобы преодолеть почти половину галактики. Экипажа у него, кстати, не было. Были только дроиды – абордажные и контрабордажные, бытовые и стюарды, технические и инженерные. А управлял всей этой армией, как и всем кораблем, кстати, живой мозг, откликавшийся на странное имя Адольф.

Впрочем, сам наследник с этим странным и страшным в своей внешности существом общался редко. Да совсем не общался – кроме первого дня, и даже часа вояжа, когда ему пришлось посидеть рядом с прозрачной ванной, обителью этого мозга. Гамадриэль старательно отворачивался от этого отвратительного зрелища, а Онтен что-то бормотал, и водил руками. Так он осуществлял привязку живого мозга к нейросети Гамадриэля.

Наконец, это действие закончилось, и аграф, отягощенный в голове каким-то непонятым, неведомым до сей поры, чувством, удалился, бросив за спину слова:

– Слушайся во всем Онтена.

И все – поездка превратилась в долгий, не прерываемый ничем загул. Девушки были милы, и согласны на все, хотя считалось, что рабского импланта в их головах нет. Зато были другие, вполне благозвучные на слух, но соответствующие своей тайной функции.

Загул все же пришлось прервать – когда «Звездный свет» достиг цели. Планеты, которую называли совсем отвратительно – Самах. Гамадриэль, конечно, вызубрил все, что ему полагалось знать. Для этого много стараний не понадобилось. Просто лег с вечера с нужной базой в нейросети, а утром все уже знал. Ему даже стало интересно – зачем это тут собрались корабли сразу всех основных миров Содружества? И от кланов было целых шесть представителей. Он,

наследник «Серебряных крыльев», был седьмым. И команда у него здесь была самой крошечной, не представительной – в численном выражении. Но это не помешало ему сидеть с напыщенным видом на общем собрании, которое устроили на гигантском линкоре империи Аратан.

Вообще-то он собирался просто посмотреть на это сборище идиотов, разменивающих свою жизнь на бесконечные дела, интриги, желание побольше урвать от кормушки. Дистанционно, естественно, на огромном экране, который занимал целую стену в его покоях. Но тут на его личном присутствии настоял Онтен – вступил в силу приказ отца, который гласил: «Если Онтен скажет, что нужно что-то сделать – сделай. Он сильно тебя напрягать не будет!».

Вот и получилось, что сидел он (а не лежал в своих покоях, вместе с хакданками) в зале, за круглым столом, где собрались десятка четыре руководителей делегаций. Сам Гамадриэль, немного отягощенный знаниями предмета, только удивлялся;

– Ну, и что – «Красная угроза»? Ну, и что – в первый раз открывают? Лучше бы тогда, триста лет назад, разбомбили ее до конца, и не отрывали бы теперь от важных дел очень занятых разумных.

У него, наследника клана, такое дело было всегда. А если и заканчивалось... ну, всегда можно было заключить новый контракт с «родителями» очередных девушек.

Тягучее течение собрания прервало появление одного из охранников наследника. Гамадриэль этих оркусов по именам не различал. Точнее, даже не отличал их друг от друга – делают они свою работу; не мешаются под ногами, и ладно. Но вот теперь один из этих страхолюдин наклонился за спиной к нему, и прошептал – на весь большой зал:

– Господин, потребовалось твое личное присутствие на крейсере.

Наследник кивнул, не сгоняя с лица важного выражения. Потом повернулся к председателю с таким же каменным лицом. Ни слова не проронил, но пожилой аратанский вояка, кажется, адмирал, вскочил, и почтительно склонил голову. Не соглашался на отбытие Гамадриэля – еще чего! – но провожал его с почтением. И это чуть примирило наследника с таким долгим отсутствием в своих покоях. На косые взгляды соплеменников, и почти не скрываемые насмешки с их стороны он, как обычно, не обратил никакого внимания.

– Что случилось, – так же величественно, еще не отойдя от атмосферы торжественности, царившей в зале, спросил он у придворного псиона, когда челнок, который возил его к чужому кораблю, вернулся на «Звездный свет», – зачем ты оторвал меня от важных дел?

Онтен никак не высказал своего отношения к этим словам; просто кивнул, и сообщил новость, которая, наверное, должна была поразить наследника:

– Мы обнаружили следы вашей сестры, господин. Здесь, на планете.

– Ну и что? – невольно вырвалось из уст аграфа.

Сестру свою он не помнил. Она пропала больше ста лет назад, тогда он и стал наследником – четырех лет от роду. А сейчас все же сообразил, что может лишиться этого статуса, но этот момент не слишком опечалил его. По правде сказать, совсем не опечалил. Гамадриэль не был пофигистом – просто знал, что образ жизни его не изменится, если сестра, Неистовая Амалиуэлия, как ее называли все, вернется домой. Просто у него станет чуть больше свободного времени – все же ему, как наследнику, приходилось принимать участие в официальных мероприятиях.

– Ну, и что? – повторил он в нетерпении, пока Онтен в изумлении тарашился на него.

Очевидно, что даже для него стало некоторым шоком такое поведение наследника, безразличие к судьбе ближайшей кровной родственницы.

– На этот счет есть четкое указание вашего отца, господин, – псион чуть обозначил головой поклон, – бросить все, и принять все меры к поиску и спасению наследницы.

– Вот, я уже и не наследник, – с каким-то весельем отреагировал аграф на его слова, – и что мне теперь делать? Нет, не так – зачем меня оторвали из-за этого? Хотя, конечно, то, что не приходится сидеть на скучном собрании – это здорово. Это просто здорово!

Увы – пришлось сидеть в другом месте, не менее скучном. В рубке крейсера, рядом с кошмарной головой живого искина.

– Потому, – размеренно объяснил ему псион, – что мы сейчас нарушим установленный ордер общего построения кораблей. Никто, конечно, слова не скажет наследнику клана...

– Вот, я и опять наследник, – совсем не обрадовался этому Гамадриэль.

– Но нужно, чтобы все видели – решение исходит именно от вас, господин, – еще раз поклонился Онтен; уже глубже, – ваш отец одобрил бы такое поведение.

– Ну, что ж, – чуть капризно протянул аграф, – раз отец одобряет, значит, я посижу здесь. Только пусть мне принесут туда поесть... нет! Не надо (это он вспомнил про голову искина)! Вина, и побольше.

– Будет исполнено, как скажет господин, – поклон псиона опять стал едва заметным.

А Гамадриэль почему-то с этого дня стал раздражительным; даже ласки хакданок его не радовали. Говорили, что прабабка наследника трона (одна из них), была провидицей. Может, частичка ее дара проснулась сейчас в правнучке?

Как бы то ни было, но время бежало, складываясь в дни, а крейсер все кружил над одним пятчком планеты, где сходились две аномалии – огромное пятно развалин некогда величественного города, и лес вокруг него, который даже для него, Гамадриэля, показался каким-то мрачным и опасным.

– Там действительно таится какая-то сила, непонятная мне, – помрачнел Онтен, когда показывал наследнику этот участок растительность далеко внизу.

Зачем показывал? Да просто именно там, в этом лесу, как оказалось, и обнаружили следы аграфской принцессы. А потом целая неделя никаких новых всплесков энергии, присущей Амалиуэлии. Она тоже была сильным псионом, и трудно было понять, какие причины могли побудить аграфку скрываться тут больше ста лет.

– А главное, какого харша ее вообще потащило в эту дыру? – удивлялся совсем другому Гамадриэль; его все же иногда выдергивали из покоев, и заставляли сидеть с умным лицом перед экраном, в рубке корабля, – сидела бы дома. Рабов себе выписала бы... посимпатичней.

А потом Онтен словно взбесился. Он буквально ворвался в покои наследника, не испросив разрешения, да еще орал в полный голос, напугав девушек, да и – чего тут скрывать – самого Гамадриэля тоже.

– Господин, – кричал он, надрывая легкие, – мы нашли ее!

– И что?! – в который раз спросил его наследник; теперь испуганным голосом, – зачем ты мешаешь мне? Нашел – спасай!

– Без тебя, мой господин, снижаться, а потом садиться на планету нельзя. Собьют ударами орбитальных крепостей.

– А со мной?! – наследник вдруг почувствовал, что все внутри живота буквально скрутило от ужаса, – со мной не собьют?

– Нет! – резко возразил псион, на мгновение сорвав с лица маску угодливого слуги; под ней оказался оскал зверя – опасного и беспощадного.

Зверь этот оскалил клыки, и вытянул из подушечек мягких лап когти – так оценил Гамадриэль его поведение. Псион буквально тащил аграфа по коридору, и дальше – в помещение, где находился тот самый челнок, что возил наследника на совещание. Теперь Онтен утверждал, что именно на нем, таком маленьком и хрупком, нужно будет опуститься на такую негостеприимную планету.

– На которой, к тому же, была объявлена Красная Угроза, – вспомнил аграф.

Он взбрыкнул, дернул рукой, попытавшись выдернуть рукав из цепких пальцев псиона, и это его движение словно сорвало с места лавину событий. Первым стал удар, который отбросил Гамадриэля в долгое забытие. И не одного его, наверное – иначе тот же псион, или кто-

то из охранников первым делом пришли бы к нему на помощь. Они и пришли, а конкретно – Онтен.

Гамадриэль резко дернул головой, охнув от приступа боли, которую разбудил этим своим движением. Открыл глаза, и увидел, что над ним, лежащим прямо на железном полу, навис своей фигурой псион. Который водил над ним руками, и отчего-то морщился. Аграф не успел задать вопрос; да и не сумел бы, пожалуй. В горле пересохло, как никогда прежде. Псион сам заговорил, и наследник понял, что тот чем-то сильно удивлен, а еще – испуган.

– Не работает, – почти прошептал тот, и уточнил, – кибердок не работает. Или... мой дар!...

Гамадриэль, в свою очередь, попытался удивиться, а потом возмутиться:

– Зачем тебе кибердок? Ты же псион!

Но вместо этого только просипел что-то невнятное. Перед лицом тут же появилась какая-то емкость – не хрусталь, или золото с серебром, как он привык. Обычная фляжка, какими пользуются, наверное, обычные же солдаты. Но вода из нее – чуть теплая, и не облагороженная даже каплей вина – показалась ему нектаром из священной рощи клана. Ничего вкуснее он прежде не пил!

– Где я, и что со мной? – сумел он, наконец, задать первый вопрос, – и почему здесь темно? И почему у меня все болит?

Последний вопрос заботил особо. Ну, не привык высокородный аграф к боли. С незначительными неполадками в организме – тем же алкогольным отравлением, или резами в животе от переедания – справлялась нейросеть, с ее нанитами; а чего-то более серьезного окружение просто не допускало. Удивительно, что сейчас, впервые оказавшись в переделке, если не сказать в смертельной опасности, наследник был довольно спокоен. Раздраженным, удивленным? Да! Но не испуганным насмерть. Пока. Скорее всего, он просто не представлял, что ему вообще может грозить какая-то неприятность. Максимум – какое-то короткое время без привычных удобств – той же еды с вином, мягкого ложа и девушек на нем.. О хакданках, кстати, он и не подумал – просто подсознательно сгреб все перечисленное, и много чего еще вкусного и приятного, в одну кучу, и сейчас с каждой секундой все сильнее страдал, что всего этого он лишен. Да еще и псион мешал его страданиям и мечтаниям, начав говорить:

– Что-то сбило нас с орбиты. Не понимаю, как мы вообще остались живы! Не сгорели в атмосфере, и не разбились о поверхность земли. Только вот...

– Что – «только»?! – проворчал недовольно наследник.

– Здесь тоже не все ладно, – продолжил свою речь Онтен, словно не обративший никакого внимания на аграфа, – совсем не чувствую свою силу.

Вот глубину этого несчастья Гамадриэль понять мог. Не в плане страданий псиона, конечно. Нет – просто он в душе осознавал, что главным действующим лицом в команде является именно Онтен. И что именно на его плечах лежит тяжелый груз безопасности; прежде всего его, наследника клана. А без своего дара псион был, пожалуй, беззащитней даже его, Гамадриэля. Аграф хоть имел в активе несколько заученных боевых баз.

– Боевых, – попробовал он слово на вкус, – есть же еще оркусы!

Наконец он, кряхтя, поднялся. Скорее не потому, что его тянул с пола Онтен; просто самому надоело лежать на этом самом полу – жестком и холодном. Скафандр – легкий, удобный и высокотехнологичный – почему-то не грел. А сейчас и не откликнулся на призыв своего хозяина. С помощью нейтросети, конечно. Вот последняя работала, в чем аграф, наконец, убедился. Хотя любой другой разумный Содружества обратился бы к ней в первую очередь.

Оркусы действительно появились – вместе с потоком света, от которого Гамадриэль закрыл глаза, поморщившись. Так, практически вслепую, сделал шаг вперед, и еще – навстречу свету. А последний, оказалось, бил сразу в две двери – того отсека, где аграфа с Онтеном и настиг удар неведомого противника, и наружного люка, который тоже оказался каким-то

образом открытым. Гамадриэль почему-то обрадовался этим лучам – словно они несли ему избавление от невзгод. А пара оркусов уже ждала его внизу, на земле, почему-то имевшей такой вид, словно ее давным-давно выжгли каким-то особо извращенным образом.

Аграф задержался на какое-то время в проеме, оглядел окрестности. Но стоять тут было очень неудобно – создавалось впечатление, что мир уронили набок. В числе прочего увидел какой-то цилиндр, что застыл невдалеке – явно относящийся к линейке наземной техники. Эти знания тоже были где-то в голове аграфа – задвинутые на самую дальнюю полку головного мозга по причине полной ненужности. Наследник вроде как напряг мозг, вызвал к жизни часть нужных сведений, но определить тип этого цилиндра, по какому-то недоразумению названного кораблем, так и не смог.

– То ли дело мой «Звездный Свет»! – чуть возгордился он после того, как буквально упал в руки телохранителей, едва не споткнувшись на непривычно крутых ступенях трапа.

Увы – гордиться сейчас было нечем. Потому что окинуть взглядом весь крейсер было проблематично. Его округлый край сейчас нависал над разумными, столпившимися у трапа, и было хорошо видно, что некогда светлая, серебристая его поверхность сейчас почернела, и даже местами оплавилась. В общем, картина была удручающей. Гамадриэль вдруг подумал, что крейсер уже никогда не вернется в просторы космоса. Те же самые знания, которые он решил поднять со дна глубокого омута, которым являлся его мозг, подсказывали, что крейсера этого типа, даже малые, совсем не предназначены для посадки на поверхность планеты. И что потребуются значительные усилия, специальные службы в виде тягачей и других специализированных аппаратов, чтобы вернуть такой корабль на орбиту. Это если он целый. А «Звездный Свет», в отличие от другого кораблика, который завис, практически лежал сейчас своей цилиндрической тушей метрах в ста от...

Он резко повернулся, и пошел – вслед за оркусами, так и не завершив своей мысли. Рядом не столь стремительно двигался Онтен, на лице которого начала проявляться довольная, даже счастливая улыбка. Подсознание подсказало аграфу – к псиону возвращается его сила. И потому наследник непроизвольно развернул плечи и глубоко вдохнул воздух... чтобы тут же согнуться в приступе кашля.

– Господин, – тут же подхватил его под локоть Онтен, – постарайтесь не вдыхать так глубоко. А лучше – вернитесь на корабль. Здесь все пропитано какими-то излучениями; смертельно опасными.

На этот раз слово «опасными» почему-то не впечатлило наследника, не заставило его броситься стремглав обратно, в темнеющее нутро летной палубы крейсера, к медицинской капсуле, которая, быть может, работала.

– Сначала разберемся вон с ними! – властно заявил он.

В аграфе словно пробудились души череды его предков, возглавлявших один из самых влиятельных кланов империи Галанте вот уже тысячи лет. А псион рядом посмотрел на него с удивлением, но возражать не стал. Более того – первым шагнул в сторону чужого кораблика, и какого-то парня, что уже шагнул от него в направлении крейсера. В странном таком одеянии, какого аграф прежде и не видел.

– Разве что на охоту такой костюм могли надеть – те, кто эту охоту организуют; зверя загоняют под выстрел, – оценил непривычное одеяние человеческого парня аграф, – ему бы еще лук со стрелами...

Никакого оружия у парня, не считая каких-то коротких кинжалов на ремне, не было. Не то что у его охраны.

Ему и поворачиваться не пришлось – пара его оркусов стояла впереди – так, что и обзор своему хозяину не закрывала, и в то же время прикрывала его своими массивными тушами. Массивными, и накачанными, бугрящимися мускулами – что было хорошо заметно даже под боевыми скафандрами высокого уровня защиты. Какого именно уровня – аграф просто

не знал; не интересно это было ему. Он лишь скользнул взглядом по спинам, явно напряженным; по двум парам рук у каждого, в которых даже в таком вот ракурсе были видны части энергетического оружия.

– Да и «ножики» у них посолідней, – улыбнулся наследник, зацепившийся взглядом за огромные ножны абордажного тесака, какими были вооружены все оркусы.

А незнакомец остановился, не дойдя шага до какой-то зеленой черты; невысокого валика шириной и высотой не меньше полуметра, который непрерывной лентой окружал пространство, центр которого мог занимать чужой бот – аграф, наконец, смог отнести это чудо техники к нужной строке в классификации летательных аппаратов. Этот, к тому же, относился к наземным. У его открытого в борту люка, кстати, толпились какие-то местные разумные – с виду почти все дети.

Но подобные мелочи совсем не интересовали наследника. Он просто стоял, уже уставший, прежде всего, от собственного порыва, и ждал, когда ситуацию разрулит... кто?

– Конечно, Онтен.

Гамадриэль словно отдал такой мысленный приказ псиону, а тот будто услышал его. А может, действительно услышал? Не зря основной сферой его деятельности было манипулирование с разумом; и с его вместилищами, естественно – разумными.

Онтен выступил вперед, и заявил – торжественно, словно не перед каким-то провинциалом на зачуханной планете, а на торжественном приеме у самого императора Галантэ:

– Представляю принца Гамадриэля, наследника славного клана «Серебряные Крылья»!...

Псион, очевидно, собирался продолжить, но парень вдруг коротко хохотнул, прерывая его, и спросил – негромко, но вполне различимо; он, оказывается, неплохо говорил на общегалактическом. И вел себя как-то расслабленно, словно его совсем не впечатлили грозные фигуры телохранителей Гамадриэля.

– Как ты сказал, – заявил этот невежа, явно не представлявший себе, как следует вести себя перед особой такого высокого ранга, – Gamadril? А что – похож!...

Он не успел продолжить, а сам наследник заполниться обидой и возмущением – в незнакомом слове, вырвавшемся из уст парня, он почему-то прочувствовал целый океан, заполненный издевательствами и оскорблениями. Парня прервал другой поток невнятных звуков, сопровождавших стремительный бег какого-то мальчишки, при виде которого внутри аграфа шевельнулось что-то... необычное – вот. И в то же время два телохранителя впереди сомкнулись телами, создавая живой щит перед сыном своего нанимателя. Это официально; на самом деле оркусам после подписания контракта вживили хитрые импланты, которые мало чем отличались от рабских. Потому совсем естественным для них было вот так закрыть своего молодого хозяина, и рвануть из ножен тесаки. Посчитали, наверное, что остро отточенной стали будет достаточно, чтобы отразить натиск какого-то мелкого, совсем не опасного на вид разумного.

И отразили, просто выставив впереди себя клинки. Аграф даже зажмурился, представив себе, как пацан нанизывается на клинок, или даже сразу оба – как бабочка, или жук на соломинку. Раздался короткий, отчаянный детский крик, и тут же оборвался. А тот оркус, что стоял справа, небрежно шевельнул рукой, и открывший глаза Гамадриэль увидел, как с длинного лезвия срывается куда-то в сторону, на черную землю, мальчишка; вместе с потоками крови, на удивление широкими и обильными для такого некрупного тельца.

А рядом раздался истеричный крик псиона: «Бей!». И сам он, наверное, предпринял какую-то атаку своим даром, потому что наследнику резко поплохело, и не было даже сил отшатнуться, когда совсем рядом пролетели, едва не опалив его скафандра, потоки плазмы. Это задняя пара телохранителей правильно восприняли приказ Онтена. А передняя синхронно – как-то плавно, но очень быстро, отправила свои тесаки в ножны. Гамадриэль даже успел отметить, как с одного лезвия в сторону брызнула россыпь алых капель. И эти оркусы

тоже достали свои бластеры. Но выстрелить не успели! Аграф, не успевший провалиться сознанием в бездну удивления, ошеломления, а потом и страха, увидел широко раскрытыми глазами, что перед парнем словно выросла какая-то прозрачная стена. Которая и поглотила два мощных потока пламени.

– А может, и силу удара Онтена, – как-то отстраненно успел подумать Гамадриэль, – потому что он стоит, и не падает. И еще ухмыляется – как-то хищно. Даже зло!

Аграф прекрасно знал; не раз видел, как разумные, которые вызвали чем-то неудовольствие псиона, а чаще – отца, чью волю исполнял Онтен, валились на пол с криками, заполненными болью, и выдирали у себя глаза собственными ногтями. А этот незнакомец стоял, и даже своего оружия не вынул из ножен. Просто поднял руки, направляя их в сторону противников.

Тут не только Гамадриэль занервничал, но даже телохранители, которые, вместо того, чтобы открыть огонь по врагу, шарахнулись в стороны, открывая подопечного ударам противника. А парень, наверное, своими руками просто обозначил ложный замах, потому что удар нанес совсем другим «оружием». Он просто сделал один шаг – к тому самому зеленому валику, оказавшейся мелкой пылью, почему-то не растекающейся в тонкий блин – и пнул его, подняв целую тучу мельчайших частиц. Облако зеленого цвета обволокло фигуру аграфа в краткую долю мгновения; как и всех остальных, наверное. Гамадриэль чуть напрягся, чтобы сильно, от души чихнуть. Но не успел – его сознание опять покинуло тело, и аграф неловко повалился на землю. А рядом падали оркусы и, самым последним, псион Онтен.

Глава 5. Олег Громов, страшный в гневе

– Хорошо-то как! Славно выпался, – заявил Олег, потянувшись в кресле.

Это необычное, на первый взгляд совсем не предназначенное для сна ложе оказалось достаточно удобным. Наверное, такая функция была предусмотрена его создателями. Или само тело Громова, и его подсознание вышли на такой уровень своего развития, что могли подстроиться под любые условия существования. Не сообщая при этом самому хозяину тела.

Как бы то ни было, а так долго и сладко, не проснувшись ни разу, Олег действительно в последние дни и ночи не спал. И в то же время одним потоком сознания он все эти восемь часов (проверено по циферблату в уголке глаз; он, кстати, показывал ровно шесть утра) провел в толще живой брони бота. Точнее, он и был этой броней. И теперь знал все его достоинства и недостатки; каждую болячку, и даже пути совершенствования. Только вот пользоваться этими знаниями так, как можно и нужно было для обеспечения должного уровня безопасности, пока не мог. Сам Громов свое состояние вот в этом направлении воспринял как осознание здорового умом и духом взрослого разумного в теле младенца, или, напротив дряхлого старца.

– В общем, знаю, что делать, и как, но пока не могу. Качаться надо. Всеми потоками сознания. Сколько их теперь у меня?

Последний вопрос был почти риторическим – картинка вчерашнего «общения» с шестируким идиолом стояла перед глазами, словно воочию – тоже вырезанной в камне. Ну, и последовавшее за ним обследование собственного организма, определившее, что потоков таких у него теперь тоже шесть. Только вот слабеньких пока, хилых, не тренированных.

Громов, не прерывая своей связи с наружным слоем бота, подключил еще один поток сознания; словно приступил к первой такой тренировке. И выбрал на этот раз самую легкую для общения, как ему показалось, систему корабля – ту, что отвечала за обеспечение жизнедеятельности экипажа. Голова от нового океана информации не взорвалась! Как—то органично Олег перешел в новую ипостась, и теперь являлся одновременно и частью... другой части бота. В ней он чувствовал дрожание каждой энергошины, каждого путепровода, вплоть до самых мельчайших. «Видел», какие из них нужно срочно заменить, а что проработает еще долго. А еще – включилось другое зрение, в котором он одновременно видел и все каюты, заполненные сейчас спящими разумными, и два других этажа жилого сектора корабля. Но и свою ущербность, как начинающего оператора, тоже воспринимал; вполне спокойно. Общая картинка оставалась стабильной, пока в ней не происходило чего-то резкого, на что нужно было обратить отдельное внимание.

Вот как сейчас – почти вся информационная картина схлопнулась, перешла на другой, не воспринимаемый разумом уровень, оставив лишь один экран – тот, где один из членов его необычной команды наконец проснулся.

– Точнее, проснулась, – широко улыбнулся Олег, – это Маша.

Почему-то совсем не было стыдно и неудобно наблюдать за Помощницей, которая вчера обрела живое, девичье тело. И тело это было абсолютно обнаженным; так, очевидно, привыкла спать Нетта – другая ипостась этого девичьего организма; очень привлекательного, на взгляд парня.

– Ну, или их там, в приюте, так заставляли...

Вот это воспоминание согнало улыбку с лица парня, и он прервал все-таки работу этого потока сознания. Но не первого. Напротив – попробовал поработать с ним, с псевдоплотью брони. Знал, что многих частиц ее верхнего слоя просто нет. Но и те рецепторы, которых Первый сумел отстоять от губительного воздействия ЭМИ-поля, и те, что успели в незначительном количестве восстановиться, сейчас показали – по перовому же его требованию – картинку внешнего пространства. Причем и прямо внутри головы, и на экране, которым оказался весь

стекловидный купол кокона. Еще одно движение мысли, и экран этот оказался разбит на множество частей, одну из которых Олег и укрупнил – тоже сразу в двух местах. Почему-то более удобным он посчитал вести наблюдение именно на экране.

А там сейчас был виден корабль, который вчера едва не рухнул на его бот. Напоминал он на расстоянии сильно разбухшую летающую тарелку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.